

Виталий Королев

Летом ставший день

Минск, 2018

Я молча смотрел, как волны отражают солнечный свет. Пахло не морем, чем-то совсем другим, но тоже очень приятно. Я был голый, рядом со мной сидела девушка, и хотя я не смотрел на нее сейчас и, наверное, не видел раньше, но знал, что она тоже голая и что она тоже наблюдает за морем. Я не знал, кто она, но очень точно чувствовал, что мы с ней близки, что я хорошо и давно знаю ее.

Мне было безусловно комфортно, пока я не начал слышать шум моря, который до этого не замечал. Я понял, что волны, растворяясь в песке берега, издают тревожный шум, и этот звук начал пугать меня: я понял, что он становится громче, а волны выше. Внезапно мне пришла мысль, что это может угрожать нам, и я повернулся к девушке, чтобы увидеть ее реакцию. Волны ее абсолютно не тревожили: она, все также смотря на море, взяла свою бутылку пива и протянула мне. Холодное пиво было очень кстати, я сделал несколько жадных глотков и снова успокоился – шум волн больше не тревожил меня. Я вернул бутылку девушке, а когда она подняла руку, чтобы забрать ее, я посмотрел на ее грудь и понял, что хочу заняться сексом. Она уловила мое желание, повернулась ко мне, улыбнулась, и я, почувствовав, что она тоже хочет меня, положил ее спиной на песок и начал целовать... Я ощущал, как вода приближается к нам.

В тот день, в первый день августа, я собирался ехать на работу как обычно, на машине, но, когда вышел из подъезда, подумал, что очень мало бываю на воздухе, а сегодня выдалось действительно прекрасное летнее утро. Я уже не стал возвращаться, чтобы оставить ключи и права дома, положил их в сумку, перекинул шлейку через плечо и пошел к трамвайной остановке.

Для меня август – это начало конца лета, то есть время, когда уже морально готовишься к тому, что скоро опять похолодает, начнется нудная осень и будет тянуться, кажется, целый год. Наверное, так было не всегда, но сейчас мне тридцать три и все последние августы, сколько я себя помню, было именно так. Может быть, в детстве август был для меня чем-то совершенно другим, частью лета, в котором я не выделял начала, середины и тем более конца, частью бесконечного лета? Может быть, все началось со школой, когда сентябрь был не началом осени, а концом каникул? Я этого уже не помню и, наверное, никогда не узнаю. Но сейчас я точно чувствую, что лето начинает заканчиваться. И это несмотря на то, что в этом году оно только сейчас, наверное, и начинается. Да, были солнечные дни до этого, даже одни выходные

стояла хорошая погода, но сегодня по моим ощущениям первый настоящий летний день. Наверное, я опять пропустил все лето...

Но август, чем бы он ни был, я точно не пропущу, впитаю каждый его день и каждый его вечер. Обожаю летние вечера, когда солнце начинает притягиваться к земле и его лучи падают под наклоном, свет становится, как говорят фотографы, мягким. И ты смотришь на обычные вещи: на асфальт перед собой, на девятиэтажку через дорогу, на вытоптанный газон и аккуратно постриженные деревья перед домом, и мягкий и теплый, слегка красноватый свет делает все эти каждодневные предметы какими-то непривычными, непонятными. Как будто без этого света их вообще не существовало, как будто только им они освещаются и только сейчас стали видны.

Но я понимаю, что дело не в освещении предмета, и не в месяце, не во времени дня, дело в том, кто на все это смотрит. И лично я обожаю летние вечера, особенно пятничные. Солнечная августовская пятница – это лучшее, что можно было придумать, ну а сегодня мне вообще повезло...

Утром я пришел, как обычно, в офис, как обычно, настроение было нормальное... В смысле рабочее. Рабочее – это когда ты понимаешь, что следующие девять часов своей жизни ты отдашь кому-то другому, не себе. Ты четко это понимаешь и уже смирился с этим, но все равно каждый раз пытаешься извлечь из этого времени какую-то пользу именно для себя. Прожить эти девять часов, не просуществовать, а именно прожить, осознанно. Постараться что-то запомнить, получить какой-то опыт, полезный для своей жизни, для своего внутреннего мира...

Но этого каждый раз не случается. Каждый раз все сводится к тому, что ты просто считаешь часы до обеда, а после обеда – до конца рабочего дня. Каждый раз ты делаешь работу, которая нужна не тебе, а кому-то другому. Вот делаешь ее ты, а получается, что радость она приносит абсолютно чужим людям.

Нет, ты, конечно, пытаешься себя успокоить тем, что растешь как профессионал, становишься ценнее как специалист, повышаешь свой уровень... ну и тому подобной ересью. Хотя на самом деле ты знаешь, что в любой момент тебя могут заменить кем-то другим, здесь ты не уникальный, а такой же, как все. Просто сейчас тебе готовы платить за твои девять часов в день. Но если найдется кто-то подешевле или получше, то заменят тебя быстрее, чем баллон в офисном кулере. Конечно, опыт и резюме у тебя приличные, ты найдешь себе место,

может, даже и получше, и платить будут больше, и ценить... Но суть-то останется прежней: ты будешь куда-то идти, садиться за стол, включать компьютер и девять часов своей собственной жизни менять на какую-то сумму денег, где-то большую, где-то меньшую. Но сколько стоит твоя жизнь? За сколько ты продаешь девять ее часов ежедневно?

Вот тут, если подумать, то можно найти и приятный момент. Вернее, его даже нужно найти, иначе свыкнуться с мыслью, что ты меняешь свою жизнь на чужие деньги, тяжело. И тут спасает математика, а конкретно операция деления. Ты улучшаешь себе настроение тем, что делишь деньги, вырученные за продажу дня жизни, на эти самые девять часов, потом делишь полученную сумму на шестьдесят – это сумма за минуту. Получается вроде и немного, но это же всего за минуту. И ты встаешь и идешь попить воды, хотя пить тебе и не хочется. Это занимает как раз минуту, ты возвращаешься, и настроение уже улучшилось, ведь только что ты обманул систему: за эту минуту тебе заплатят деньги, а ты уделил ее только себе.

И тебе приятно от этой мысли, но главное – ограничиться операцией деления, главное – не переходить к умножению. Но ты все равно это делаешь: ты умножаешь девять (часов в день) на пять (дней в неделю), потом на четыре (недели в месяц) и так далее. И снова становится не по себе: ведь в итоге ты продаешь не девять часов в день, и даже не пять дней в неделю... Ты продаешь треть своей жизни. А от оставшейся, якобы твоей собственной, части надо еще отнять время на сон, домашнюю работу, покупки... И в итоге остаются считанные часы, которые ты действительно тратишь с пользой для себя.

Эти мысли я, как обычно, отгонял, когда сегодня утром шел от метро до офиса через заставленные машинами дворы обшарпанных, но освещенных солнцем – и от этого весьма позитивных – двухэтажек. Эти мысли надо заглушать, иначе они отвлекают от работы, которая всего за девять отданных ей часов в день дает мне возможность выплачивать кредит, чтобы жить в своей квартире, не задумываться о цене при выборе пива в магазине и регулярно покупать сыну оригинальный «Лего», а не китайскую копию. Поэтому, загружая компьютер, я думал о том, что сегодня пятница, что прогноз погоды обещал солнечный не только день, который я не увижу даже, но и вечер, которым я упьюсь сполна, когда буду уходить с работы и думать о том, что впереди еще целых два выходных дня перед новой рабочей неделей.

Как я говорил, сегодня мне очень повезло: начальник вызвал меня в кабинет, я собирался выслушать очередное задание, но он мне сказал

то, чего я никогда еще не слышал. Оказалось, что заказчик еще не утвердил бюджет проекта и приступить к нему надо будет в понедельник, и пока я относительно свободен, а наш курьер еще на больничном, я могу развезти партнерам пакет документов и быть свободным...

Он так и сказал: «Быть свободным...»

Я кивнул, как будто был даже расстроен этим предложением, но «работа есть работа», записал адреса, взял пачку документов, спросил, могу ли я идти, и... ушел. Я ушел с работы в половину десятого. Утра. В пятницу. И я действительно мог быть свободным.

Сначала я подумал, какие из накопившихся дел я могу сделать, воспользовавшись бонусным днем, но, мысленно пробежавшись по основным пунктам списка, я не нашел в нем ничего такого, что нельзя было отложить на завтра или какой-нибудь другой день. Не то чтобы дела были не важны – они были недостаточно важны для того, чтобы я украл сам у себя и подарил им первый день лета.

Как только мне дали документы, я сразу сложил их в сумку, перекинул ее через плечо еще в кабинете начальника, пожал ему руку и пешком спустился на улицу. Я остановился около входа в здание, опаздывающие еще спешили внутрь, а я уже мог уйти отсюда. На лице моем была улыбка, и все, кто проходил мимо, кидали на меня взгляды, а я, приветствуя их, незнакомых людей, кивал в ответ, и они сразу отворачивались. Я посмотрел на солнце, которое светило еще в утреннем, щадящем режиме, и пошел в соседний дворик, через который только что проходил с совершенно другим настроением. Я сел на скамейку в тени куста сирени и только тогда достал бумаги, которые мне дали. Просмотрел адреса, понял, что все точки моего маршрута находятся в центре или недалеко от него, и решил, что меня ждет отличная прогулка. Если бы я курил, то в этот момент я бы обязательно достал из пачки сигарету, прикурил от зажигалки, затянулся и сигарета эта наверняка показалась бы мне в два раза вкуснее обычной. Но я уже три года как бросил, и от этого мое настроение еще улучшилось. Составив маршрут и разложив бумаги по порядку, я поднялся и пошел к первой точке своего пути, осознанно замедляя привычный темп ходьбы.

Точка номер один.

И вот я иду по городу, та же улица, те же дома, машины, люди, но вот я немного другой, не такой, каким я был, когда шел на работу. Тогда все было по плану: я шел туда, куда привык, знал, что я буду делать весь

предстоящий день, и уже на вечер у меня были планы. Но произошел сбой, и сейчас я нахожусь там, где находиться не должен, делаю то, что в последний раз делал, наверное, когда был еще ребенком: я просто иду по городу, голова моя свободна от конкретных задач и мыслей, я могу думать, о чем захочу.

Но я уже не ребенок, мне тридцать три года, и если бы сейчас я ехал в транспорте, то залез бы в свой телефон, читал новости, ехал бы на машине – слушал бы музыку. Я и сейчас бы это мог сделать, но не хочу, ведь сегодня первый день лета, очень короткого лета, которое уже начинает заканчиваться, а для меня, может быть, продлится всего этот день, я же постоянно все упускаю. И даже сейчас, когда я решил не пропустить август, я понимаю, что нет никаких гарантий, что сделаю это. Наоборот, скорее всего, я и август упущу, как и предыдущие два месяца, как и прошлое лето, как я упускаю всю свою жизнь. Мне тридцать три года. Это не треть жизни – это ее половина в лучшем случае... Половина жизни прошла, а я даже не понимаю, зачем все это.

Я иду по улице и мне в голову лезут мысли о смысле всего того, что со мной происходило и происходит. И я не заглушаю их, как обычно. Потому что вся эта ситуация необычна, и я понимаю, что хочу – и могу – сейчас получить ответы на эти вопросы. Но какие вопросы? Доволен ли я своей работой? Нет, это не то, это мелочь. Доволен ли я собой, своей жизнью? Не то. «Доволен-недоволен» – это совсем не те категории. Вот я погодой был не очень доволен, вернее, она мне абсолютно не важна была, когда на работу шел и знал, что весь день просижу в офисе. А когда день у меня освободился, та же самая погода уже прекрасна, потому что она теперь моя. Вообще, если так подумать, то я всем доволен: погодой, работой, собой, в целом жизнью своей. Раз ничего не меняю, то все меня устраивает. Не в «доволен-недоволен» дело, дело в вопросе, на который я хочу получить ответ. Я просто не проговаривал его никогда. Понимал, но сформулировать не мог, заменял его какими-то другими, мелкими, промежуточными. Всю жизнь его заменял, а теперь понял, что вот сейчас, прямо сейчас я хочу его себе задать.

«В чем смысл жизни?» – вот так он звучит. Вот на какой вопрос мне ответ нужен на самом деле. И это абсолютно не кажется мне глупым, сейчас это не вызывает у меня усмешку. Я действительно хочу получить на него ответ именно сейчас, первого августа, в мой первый день лета, в мои тридцать три года.

И ведь что интересно: никто сегодня не умер, меня не уволили, у меня не начался какой-нибудь кризис, болезнь... Я четко понимаю, что сегодня ничего не произошло. Я хожу на работу, зарабатываю деньги,

трачу их на семью, на себя, хожу с друзьями в бар, два раза в неделю играю в футбол, хожу с сыном в бассейн, выписываю и читаю два бумажных журнала, хожу на столярные курсы... И я искренне от многого получаю удовольствие и хочу и буду делать это дальше. Я просто хочу знать: в чем смысл моей жизни?

Дело в том, что до этого у меня были ответы на этот вопрос. Именно ответы, а не ответ – они постоянно менялись. Сначала мне говорили, что я пойду в школу, и я знал, что это моя цель. Потом целью стало хорошо учиться, получать оценки за четверть, за год. Потом надо было сдать экзамены и поступить в университет. Потом закончить его. Потом найти работу, найти женщину хорошую, жениться, родить ребенка... Смысл моей жизни был постоянно, я все время добивался какой-то цели. Но всегда, достигнув этой цели, я понимал, что не в этом смысл, что теперь надо достигать другую, следующую. И смысл я находил уже в этом. И так все время.

Сейчас, если так подумать, я, скорее всего, живу тем, что хочу поставить на ноги сына, отправить его в школу, для этого мне надо зарабатывать деньги, это тоже сейчас моя цель, мой смысл жизни. Но ведь я уже все это проходил, уже было все это: школа, университет, семья, работа. Сейчас буду проходить заново с сыном, и что, теперь его жизнь станет моим смыслом?..

Не станет, вот в чем проблема, не станет. Ведь это же иллюзия, любая цель теряет свой смысл, когда ее достигаешь. Ученые уже доказали, проанализировав эмоции профессиональных спортсменов, что когда те достигают, наконец, своей главной цели в карьере – становятся чемпионами или получают главный приз, то удовольствие от победы несоизмеримо с затратами, с тем путем, который они прошли.

И я вспоминаю всю свою жизнь и понимаю, что у меня так же. Достиг чего-то – и все, это перестает существовать. Да так происходит каждый день. Вот, например, полчаса до обеда, я уже голоден, я думаю о еде, о том, что скоро поем. Начинается обед, я знаю, что у меня, например, суп, пицца на второе и кусок торта с кофе. Я ем суп и думаю о пицце. Ем пиццу, а представляю, как сейчас буду есть торт. Доедаю торт и уже думаю, как вернусь за компьютер и посмотрю там интересное видео. Возможно, это мелочный пример, но ведь, по сути, так происходит всю жизнь: ты живешь ради какой-то цели, а достигнув ее, начинаешь жить ради другой. Так в чем тогда смысл всей жизни?

И я ведь не один такой, я далеко не первый, кто задает этот вопрос, это делали еще древние греки, да и раньше наверняка. Каждый день, я уверен, миллионы людей спрашивают себя об этом. И, что самое

интересное, наверняка многие из них получают ответ. То есть выходит, что люди, которые сейчас меня окружают на этой улице, знают ответ на этот вопрос? Или, наоборот, они его себе не задавали? Ну не может же такого быть, чтобы не задавали. Как же тогда жить, ради чего? Ради этих промежуточных целей? Или... Стоп. Может быть, дело в том, что все-таки смысл жизни в чем-то конкретном, просто именно я его не вижу? Может быть, он под носом, только надо это понять, почувствовать? Как с летом, которое упускаешь постоянно?

Лето скоро закончится...

– говорит мне женщина, которая до этого шла навстречу, мимо меня, но вдруг остановилась, взяла свою сумку обеими руками и начала разговор со мной:

Кажется, только началось, а уже скоро закончится.

Да... По мне, так это вообще первый день лета...

– я слегка растерялся, но она, вроде, адекватная, полноватая и от этого даже милая, почему бы не поддержать разговор?

Не знаю, как ты, но я на этот вопрос для себя уже давно ответила...

Ты упускаешь лето.

Вы о чем?

Ты правильно сейчас сказал: смысл жизни у тебя перед носом, а ты его не видишь.

И в чем же он, по-вашему?

Женщина улыбнулась, как будто я нес чушь, и немного даже передразнила:

«По-вашему»... Да понятно, что смысл жизни в детях.

Она посмотрела на меня, как будто после этих ее слов я должен был сказать: «Точно!» – и хлопнуть себя по лбу. Но так как этого не произошло, а я все еще смотрел на нее вопросительно, она продолжила:

Смотри, у меня двое: старшая дочь, ей уже двадцать восемь, и сын, ему тринадцать. Маша уже замужем, они прошлым летом поженились, тут недалеко в ресторане свадьба была. Денис хороший, они любят друг друга, до свадьбы два с половиной года встречались, работает программистом, спокойный такой, но деньги есть: сейчас они квартиру снимают, но уже строят свою, двухкомнатную. Она у меня на экономиста училась, сейчас в фирме работает, по специальности, сначала в одной работала, туда мы с мужем ее помогли устроить, а сейчас уже в новой, там лучше, говорит, сама нашла. Ну хорошо, главное, чтобы ее все устраивало. Да и платят лучше. Вот квартиру построят, в декабре обещали сдачу, до Нового года, и ребеночка сразу заведут. Хотя мы с

мужем ее на съемной квартире родили – и ничего. Но они сами, раз решили сначала квартиру построить, так пусть строят, взрослые уже...

А младший мой с нами живет, конечно. Сейчас в восьмой класс пойдет уже, они там на математику уклон делают, ему вроде как хорошо все это дается, пойдет, наверное, на математический, а может, и на программиста получится. Но это пока рано думать, еще четыре года, время есть. Он, слава богу, хороший у нас, хоть и мальчик, но, как Машка, особо никуда не ходит, за компьютером, правда, много сидит, но и книги читает тоже...

– она наконец-то остановилась и, кажется, немного задумалась. Я сразу воспользовался этим моментом:

И вы хотите сказать, что Маша и... вы имя не называли...

Толик.

... И Толик, ваши дети, это и есть смысл вашей жизни?

Ну конечно! Я же ради них живу. Главное, чтобы у детей все было хорошо.

Ну а если они уедут куда-нибудь жить, в другую страну, например?

Ну куда ж они поедут?.. Но даже если и надо будет, ну ничего.

Может, с ними поеду, возьмут меня внуков нянчить. Ну а не возьмут, ну будем мы к ним приезжать, они к нам, ну ничего... Главное, чтобы они живы-здоровы были, главное, чтобы у них все хорошо было.

Я немного подумал и все же решил у нее спросить:

Хорошо, я понял, но вот они же, ваши дети, это все-таки люди.

Я сказал явную для всех истину, и она улыбнулась:

Ну конечно же люди, кто же еще?

Люди... Я ни в коем случае ничего не хочу сказать, но... Не дай бог, мало ли, что-нибудь вдруг случится?..

Она сразу перестала улыбаться и посмотрела на меня со злостью:

Ты что?! Я ничего такого не переживу! Даже и думать об этом нельзя.

И она ушла, прекратив разговор так же резко, как и начала его. Я снова остался один и пошел дальше, продолжая думать об этой женщине.

Да, вот она ответила на вопрос: для нее смысл жизни – это ее дети, у нее все четко в этом плане, и она живет ради них. И я ни в коем случае не осуждаю ее и не подвергаю сомнению ее ответ. Дело в другом: это ее ответ, и пусть даже он ее полностью удовлетворяет, но это не ответ для меня.

Я люблю своего сына, у нас с ним отличные отношения, я люблю проводить с ним время, мы вместе рисуем, играем в футбол, обсуждаем,

если его кто-то во дворе обидит или что-то в этом роде... я очень люблю его. Но в то же время я понимаю, что смыслом моей жизни это назвать я не могу. Да, я так же, как эта женщина, переживаю за него, хочу, чтобы все было хорошо, даже представить не могу, что что-то с ним, не дай бог, произойдет. Но я понимаю, что он вырастет, у него будет своя жизнь – не моя, а своя. И я его отпущу, иначе нельзя. Если он будет смыслом моей жизни, то я буду постоянно ему мешать. Да я и не хочу этого. И даже если бы и хотел, не могу. Не могу потому, что не чувствую это... Я все сделаю, чтобы ему помочь, но смысл моей жизни, моей, это что?

И вдруг звонит телефон, я смотрю: начальник мой, отвечаю, улыбаясь:

Привет, Сергей, давно не слышались.

Да-да, соскучился я по тебе...

Только не говори, чтобы я вернулся, я уже в Мексике.

Да кому ты нужен? Никто даже и не заметил, что тебя нет – без тебя все работает даже лучше.

Да-да, конечно,

– говорю я, продолжая улыбаться, и делаю паузу, намекая, что хочу уже услышать, зачем он позвонил. Уловив смысл паузы, он отвечает:

Слушай, я чего звоню... Я полностью согласен: какие дети? Они вырастут и забудут, кто ты такой вообще. Хотя ты же их вырастил, кормил, одевал, обувал... В университет взятки все время носил, машину купил из салона в люксовой комплектации... Короче, дети, семья, да и вообще вся эта жизнь – очень недешевая вещь. Правильно я говорю?

Он этот вопрос часто задает во время разговора, это фраза-паразит у него такая. Я, когда только начали с ним вместе работать, не знал и думал, что ответить, а потом понял, что он ответа в принципе не ждет, и сначала просто кивал или угукал, а потом понял, что можно даже вообще молчать в ответ. Ему просто пауза нужна, чтобы с мыслями собраться и продолжить:

А деньги же на дереве не растут, как мы все знаем. Чтобы хорошо жить, надо и работать хорошо. Правильно я говорю?

Тут я уже сам захотел спросить:

То есть ты хочешь сказать, что смысл жизни в деньгах?

Нет, ну почему сразу в деньгах? В их количестве!

– он засмеялся в трубку, но не потому, что ему было смешно, а чтобы слегка смягчить правду. А я его знал давно – это действительно была его правда:

А как же иначе? Говорят же даже: «Чего стоит эта жизнь?» Именно «стоит»! То есть все имеет свою цену. Я не хочу сказать, что все на свете

продается или покупается. Нет. Но именно деньги дают свободу. Хочешь быть свободным в перемещении? Тебе нужны деньги на нормальную машину. Хочешь мир увидеть? Пожалуйста, путешествуй, весь мир открыт, вся планета: море, горы, лыжи, дайвинг, трекинг, снорклинг... Что угодно. Только заплати, пожалуйста. Здоровье барахлит? Любой медицинский центр тебя как родного примет, но через кассу. Продукты качественные и вкусные кушать хочется, фрукты всякие, деликатесы? Все есть, только купить надо. Правильно я говорю?

Тут я привычно промолчал, а он продолжил:

Даже и не это ведь главное, главное – что, когда ты при деньгах, ты себя человеком чувствуешь, живешь, как тебе хочется, а не как получается. Уважаешь себя за это. И другие, окружающие, тоже на тебя с уважением смотрят. Когда ты на хорошей машине подъезжаешь на презентацию, когда на тебе костюм, в Италии в модельном доме купленный, и часы швейцарские, эксклюзивные на руке. Вот тогда на тебя смотрят и понимают, что перед ними человек с большой буквы. Вот тогда ты и живешь. Вот в чем смысл весь, получается. Правильно я говорю?

В этот раз пауза затянулась, и я понял, что он закончил свою мысль и ждет моей реакции. У нас с Сергеем нет проблем в общении, мы, конечно, не дружим, но отношения, можно сказать, приятельские. Хотя в рабочих вопросах всегда на первое место выходит распределение ролей «начальник – подчиненный». Но не это было главной причиной того, что я соврал ему. Я просто понимал, что его уже не переубедить, да и смысла в этом нет ни для него, ни для меня. Да и вообще, зачем его переубеждать, если для него это уже и есть ответ? Он-то смысл нашел. Просто это не мой ответ, не мой смысл. Но я не хотел тратить свое лето на то, чтобы объяснять ему это, и просто отшутился:

Ну, Сергей, ну, конечно, ты прав. Главное – не забудь это, когда будешь в следующий раз пересматривать мою зарплату.

Он пошутил в ответ:

Конечно, не забуду, подумаю, как ее сократить.

Мы оба для приличия посмеялись над шутками друг друга, и Сергей попрощался:

Все, давай, до понедельника.

И только мы с ним закончили разговор, как мне приходит сообщение от Вовки, моего коллеги, который сидит в кабинете вместе с Сергеем, читаю:

«Здорово, чувак. Вижу, у тебя сегодня отгул, халявщик! Ладно, не буду отвлекать, я чего сказать хочу. Просто слышал, как Серега тебе

звонил, он на весь кабинет орал. Так вот, он, в принципе, частично прав, но не совсем. Смотри, он говорит, что смысл в бабле, в статусе в обществе, но на самом деле смысл в другом. Главное – это расти как спецу, понимаешь? То есть неважно, сколько ты получаешь за свою работу, важно, чтобы ты был в ней реально крут. А если ты реально крут, то и бабло будет. Важно быть профессионалом классным, тогда тебя уважать будут. То есть не за тачки и шмотки тебя уважать будут, это фигня, а за то, что ты реально крут и чего-то добился, вот за что людей реально уважают. Вот, получается, в чем смысл, понимаешь? Чтобы профессионально расти, попытаться стать лучшим в своей сфере. Как Джобс, например. Вот цитату его, мою любимую, скопипастил:

«Когда мне было 17, я прочел цитату, которая звучала примерно так: „Если ты живешь каждый день, словно он последний, когда-нибудь ты наверняка окажешься прав“. Она произвела на меня впечатление, и даже сейчас, спустя 33 года, каждый день я смотрю в зеркало и спрашиваю себя: „Если бы сегодня был мой последний день, делал бы я то, что собирался делать?“ И если ответ „нет“ повторялся несколько дней подряд, я знал, что пора что-то менять».

Понимаешь, о чем это он? Что надо каждый день вджобывать как последний, тогда можно и стать кем-то вроде Джобса. Это главное. Вот, короче, это я тебе написать хотел. Ну это так, можешь не обращать внимания, просто мнение свое выразить захотелось. Так что забей, если что. Все, давай».

Я сообщение Вовкино прочитал, но не ответил, пусть думает, что я не читал, может, завтра отпишусь. Сейчас не хочу отвечать потому же, почему и с Сергеем спорить не стал: они все верят в свои ответы, то есть они определили для себя смысл и придерживаются своей цели: живут ради детей, зарабатывают больше и больше денег, строят карьеру, постоянно к чему-то стремятся, ставят цели и достигают их, а когда достигнут, то ставят новые цели, чтобы не останавливаться...

И бегут, как собаки за чучелом кролика.

– даже немного напугал меня парень с большими голубыми глазами, который остановился прямо передо мной и закурил. Наверное, по моему лицу был замечен этот испуг, и он положил зажигалку в нагрудный карман незастегнутой джинсовой жилетки, надетой на майку без рукавов, и стал, как мне показалось, оправдываться:

Ну как на собачьих бегах. Эти несчастные собачки бегут по кругу, стараются и думают, что вот сейчас поймают этого кролика и будут счастливы. А на самом деле не будут. Потому что это и не кролик вовсе, это муляж механический, и они его никогда не догонят... Вот Вовка ваш,

например, везде видит подтверждение своим мыслям, даже там, где этого нет. Джобс же совсем о другом говорил. Хотите сигаретку?

Спасибо, не курю.

Ок.

– сказал парень и затянулся, прищурившись то ли от солнца, то ли от удовольствия. Раз он не уходил, я решил дать ему возможность развить мысль:

Хорошо, если за кроликом бежать смысла нет, то что тогда делать?

Парень явно ждал этого вопроса и охотно взялся растолковывать:

Вот... Если догонять смысла никакого нет, потому что не догонишь никогда, то остается только что? Правильно, получать удовольствие от самого бега. Потому что какую бы цель ты ни поставил, хоть получить Нобелевскую премию, когда ты ее достигнешь, знаешь, сколько ты будешь ей радоваться? Четырнадцать дней максимум. Че-тыр-над-цать дней. Максимум. Это физиология, против науки не попрешь. То есть можешь всю жизнь пахать, хотеть чего-то достичь – и? Четырнадцать дней. Все. Вся жизнь ради четырнадцати дней. Но это так, очень образно. А реально получается, что ты всю жизнь чего-то достигаешь и понимаешь: не то... Значит, надо что большее. Достигаешь большего – опять не то, надо еще большее – опять не то, значит, надо что-то другое – опять не то, надо другое... И в итоге только перед смертью понимаешь: блин, я всю жизнь гнался за пустышкой... Ну вы понимаете, короче?

Понимаю. Так а ответ тогда какой?

Так ответ тогда такой: смысл жизни – в самой жизни. Надо проживать любой день, даже самый плохой, даже в котором ты ничего не достиг, надо получать от него все. Вот вы этот день решили не упустить, как все лето до этого? Вот так надо и каждый. Как будто каждый день – последний в твоей жизни.

Получается, брать от жизни все?

– упростил я его теорию до банальной фразы.

Получается, так. Но это не значит, что сегодня вы должны сесть на героин, сняться в порно и подраться с начальником. Завтра же будет еще один день...

– он сделал последнюю затяжку и, решив, что после этих откровений мы с ним уже на «ты», подвел свою речь к логической концовке:

Ну сам же все понимаешь. Короче, жизнь ради жизни.

Но я не все понимал, поэтому не дал парню уйти, после того как он эффектно попал окурком в урну, стоящую на другом конце тротуара:

Хорошо, выходит, надо жить, чтобы получать удовольствие от каждого момента?

Ну да.

То есть покурил ты, например, и круто?

Ну да. В урну вон попал с двух метров – тоже ведь круто? Надо порадоваться.

Радоваться мелочам – да, это понятно. Но смысл жизни тогда в чем? В этих мелочах?

Ну да... Попал в урну – и хорошо, не попал – подошел, нагнулся, подобрал. Со второго раза попал – тоже хорошо. Дорогу перешел, по улице прошел, на работу ходил, день прожил – хорошо.

Не спорю. Но ты понимаешь, что опять все упирается в цели и их достижение? Только цели более мелкие получаются.

Парень немного задумался и, как мне показалось, слегка обиженно возразил:

Ну не мелкие...

Я не имею в виду мелкие по значимости, нет, пускай попасть в урну окурком – так же значимо, как и миллион заработать. Мелкие во временном масштабе, я имею в виду. То есть, чтобы достичь их, надо гораздо меньше времени.

Ну да.

Вот... То есть все равно все сводится к целеполаганию, к постановке целей и их достижению. Согласен?

Ну а что в этом плохого?

Да плохого ничего. Просто ответа это не дает все равно. Вопрос же в том, что у всех есть потребность в движении, и все мы идем. Просто цели каждый ставит разные: кто-то детей родить и вырастить, кто-то все деньги мира заработать, кто-то в урну окурком попасть... Ты же не обижаешься? Понимаешь, о чем я?

Да-да, чувак, я же это и говорю, что все равнозначно, все эти цели. Все одинаково важны.

Или одинаково не важны.

Вот-вот!

Да, но сейчас не речь про важность: для кого-то это главное, для кого-то другое. Каждый себе смысл выбирает в чем-то. Но проблема в том, что эти цели не мои. Я не хочу сказать, что вы все не правы, что стремитесь к фигне какой-то, а называете ее смыслом жизни. Нет. Я просто хочу сказать, что это не моя цель, не мой смысл, не ответ для меня. Понимаешь?

Ну да.

То есть я тоже иду, как и все, но я не иду туда, куда он, она, они. Я иду куда-то, но не могу понять, куда.

Так и я тоже не иду туда, куда они... Чувак, что тебе тогда мешает, как я: просто идти, чтобы идти?..

Да ничего не мешает, я просто ответа в этом не нахожу.

А он тебе нужен?

Нужен. Раз я иду куда-то, значит, для чего-то это нужно. Я пока так думаю.

Парень, задумавшись, посмотрел себе под ноги и в ответ протянул:

Ну не знаю...

После чего перевел взгляд на что-то за моей спиной, улыбнулся и уверенно сказал:

Ладно, пойду мороженого поем. Хочешь?

Нет, мне идти надо.

Ну ладно тогда, давай.

– он снова посмотрел мне в глаза, пожал мне руку, как будто мы с ним знаем друг друга лет двадцать, и пошел дальше.

Я недолго посмотрел ему вслед, пытаюсь понять, где он собирается купить мороженое, ведь никакого магазина рядом не было, потом обернулся и понял, что я уже прямо около дома, к которому шел.

Заранее достав из сумки нужные документы, я зашел в охлажденное кондиционерами здание и на просторном, но пустом лифте поднялся вверх. Когда механический, но приятный женский голос из динамиков сообщил о точке назначения: «Двадцать третий этаж», – и двери лифта открылись, я оказался прямо посередине огромной комнаты, в которой за столами с компьютерами сидело человек сто. Все они занимались своими делами, и никто не обратил на меня внимание, кроме девушки, сидевшей за стойкой справа от лифта. Она, видимо, сразу поняла, зачем я пришел, поэтому молча поднялась, улыбнулась и посмотрела на бумаги в моих руках, намекая, что готова их забрать. Я тоже молча сделал два шага к стойке, отдал документы ей в руки, улыбнулся в ответ вместо и приветствия, и прощания, развернулся и зашел обратно в лифт, так как его двери еще не успели закрыться. Я нажал кнопку первого этажа и подумал, что из всех нас в разговоре принял участие только лифт.

Точка номер два.

Пока я спускался вниз, успел подумать обо всех, с кем я сегодня разговаривал. Все они дали себе ответы на вопрос о смысле жизни. Да,

все эти ответы были разные, но они были. И они были для них реальными, то есть теми, в которые они верят. То есть они в какой-то момент своей жизни поверили в эти ответы и определили для себя смысл жизни. И может быть, они правы.

А что, если они заблуждаются? Что, если каждый из них до конца не уверен в том, что его ответ правильный? Интересно, они думали об этом? О том, что, может быть, ошибаются?

То, что я не могу дать себе ответ на этот вопрос, меня, конечно, немного пугает: как это, все живут со смыслом в жизни, а я его не могу найти? Но есть же вещь гораздо более страшная – прожить всю жизнь с ложным смыслом, всю жизнь верить в созданный самим собой или навязанный кем-то миф, который не является истиной. Но, в принципе, в этом случае, если ты так и не узнаешь, что ошибался, даже перед смертью, то не страшно: получается всю жизнь имел какую-то важную цель, считал ее самой главной и умер, веря в это. Получается, она и была для тебя верной.

Но если они ошибаются и просто боятся себе в этом признаться? Что, если просто отгоняют от себя мысли о том, что живут не своей жизнью, как я отгоняю мысли о бесполезности своего просиживания в офисе? Что, если это просто страх признаться себе в своей ошибке и нежелании ее исправлять? Ведь даже то, что каждый отвечает на этот вопрос по-своему, уже говорит о том, что кто-то думает иначе и тоже считает, что он прав. Но это значит, что кто-то ошибается, ведь не может быть два плюс два и четыре, и пять, и три одновременно. А признаться себе, что ошибаешься именно ты, очень трудно.

Если у человека забрать то, во что он верит, он чувствует себя потерянным и всячески этому сопротивляется. Под «забрать» я имею в виду дать понять, что цель ложная. Человеку свойственно во что-то верить, давать себе ответы, расставлять акценты: это хорошо, это плохо; это правда, а это нет; это ценно, а это не важно; ради этого стоит жить, а это ерунда какая-то. Так удобнее жить, когда у тебя всегда есть ответ на любой вопрос.

А когда человек узнает, что то, во что он верил, не соответствует действительности, перестроиться очень сложно. Поэтому и возникает сопротивление. Так может быть, это сопротивление и не дает людям признаться себе в ошибочности определения смысла жизни?

Но почему тогда я не сопротивляюсь? Я же признаюсь себе, что не определил для себя цель. И ничего, я отказываюсь от предложенных мне ответов и ищу дальше.

Что отличает меня от этих людей?

Пытаясь ответить себе на этот вопрос, я не заметил, что уже вышел на улицу и автоматически пошел в нужном направлении. Довольно-таки медленно прошагав целый квартал, я все еще не получил ответа и решил пойти от противного: если я не могу ответить на вопрос, что же отличает меня от этих людей, то надо понять, что же нас объединяет.

Тут попроще: все мы люди, то есть представители вида гомо сапиенс. Вида, который сформировался сорок тысяч лет назад, когда мы жили в пещерах и охотились на мамонтов. Наши инстинкты были заложены именно тогда, и за все эти тысячи лет мы физически и психически особо не изменились. Да, охоту на мамонтов сменила работа за компьютером, драку за самку на дубинках сменило соревнование в остроумии и меряние кошельками, но суть осталась та же, человеческие инстинкты остались абсолютно теми же, какими были сорок тысяч лет назад. У нас по-прежнему присутствует страх темноты, так как, когда мы формировались как вид, темнота с ночными хищниками несла прямую угрозу для жизни. Мы по-прежнему боимся одиночества и стремимся быть частью какого-нибудь коллектива, так как сорок тысяч лет назад, когда формировалась наша психика, человек не мог выжить вне племени и изгнание из него означало смерть.

Я остановился, так как мое внимание привлек спрятанный во дворе старый кирпичный гараж, на котором я заметил граффити. Я специально зашел во двор, чтобы рассмотреть рисунок: автор изобразил обнаженную девушку на скачущем зубре. Может быть, художник обыгрывал сюжет с похищением Европы, может быть, сюжета вообще не было, но граффити было абсолютно не пошлым и действительно мне понравилось. Сначала я просто получал эстетическое удовольствие от граффити, а потом улыбнулся, так как понял, что заметил его не случайно – оно полностью вторило моим мыслям в тот момент – даже наскальная живопись за десятки тысяч лет не претерпела особых изменений.

Потянувшись было за телефоном, чтобы сфотографировать граффити, я остановился, решив, пусть оно лучше останется только в моей памяти, так оно будет более живым. Я вновь вышел на широкую улицу и вернулся к своим размышлениям.

Да, все мы люди с одинаковыми первобытными инстинктами, все мы, биологически, один вид, представители одной общности. И у всех у нас, как у любой биологической общности, есть одна общая цель. Эта цель – выживание, выживание нашего вида. Основной инстинкт – инстинкт самосохранения, который заложен в нас природой. То есть уже

при рождении у нас есть неосознанная цель – сделать так, чтобы выжил наш вид.

Эта цель досталась нам от других видов, от которых мы произошли, и укоренилась в момент формирования гомо сапиенс. И за сорок тысяч лет она не поменялась и, пока существует наш вид, не поменяется: человечество будет стараться выжить. А что для этого надо? В первую очередь размножаться, то есть рожать детей, и следить, чтобы они достигли репродуктивного возраста, чтобы тоже могли потом размножиться. Здесь за миллионы лет существования жизни вообще ничего не поменялось.

Чтобы выжить, людям надо защищать себя от внешних угроз: холода, голода, болезней. Раньше для этого надо было строить жилища и накапливать жир. Сейчас, в принципе, то же самое, разве что люди придумали деньги и материальные блага теперь хранить проще.

Так как, опять же, по законам природы, чтобы вид имел больше шансов на выживание, внутри него должны доминировать сильнейшие. То есть людям, как и всем животным, надо уметь выделиться из массы себе подобных, чтобы представитель противоположного пола их заметил и именно они продолжили род. Раньше для этого надо было стать лучшим среди себе подобных. Теперь – то же самое.

Получается, что все действия человека – размножение, обеспечение материальной безопасности, стремление выделиться в разных сферах, даже просто стремление получать удовольствие от жизни – диктуются одним единственным животным фактором: необходимостью продолжения жизни вида? То есть смысл жизни каждого человек – это выживание человечества? «В чем смысл твоей жизни?» – «В том, чтобы выжил вид гомо сапиенс». «Зачем ты живешь?» – «Потому что я не хочу умереть». Так получается?

Но я тоже не хочу умереть. Но я и не хочу верить в то, что живу только ради этого. Не верю, что живу ради того, чтобы выжить, размножиться и умереть от старости, а не от укуса саблезубого тигра.

А может быть, я сейчас сам отказываюсь верить в истину. Что, если люди, которые смирились с ролью биологической единицы вида, правы? А я, который ищет смысл жизни в чем-то другом, не прав, потому что его нет, и просто боюсь себе в этом признаться? Может, на самом деле у человека нет никакого другого предназначения, кроме как оставить потомство и умереть?

Если честно, этот вопрос завел мои размышления в тупик, и я переключился на мысль о том, что долгожданное и неожиданное летнее солнце серьезно так припекает. Поэтому до следующей точки я дошагал

под тенью лип. То, что это липы, я понял по следам от капель на асфальте под ними. Эти следы не стирались подошвой, я пробовал. Кто вообще придумал сажать в городе липы? Хорошо, что у меня во дворе они не растут, так бы летом машину раз в неделю надо было бы мыть.

Внутри следующего офиса кондиционеров то ли не было, то ли работали они как-то плохо, тень помещения и открытые окна создавали более комфортную обстановку, чем на улице, но прохлады не давали. Поэтому охладиться там у меня не получилось, тем более что лифт, в котором я ехал на третий этаж, был маленький, и со мной в нем было еще трое мужчин, одетых так же, как и я: в светлые рубашки с короткими рукавами. Почти одинаковая одежда на работе не смущает нас, ведь так мы демонстрируем, что мы племя, а значит, имеем больше шансов на выживание. Поэтому корпоративный дух не выветривается из офисов, несмотря на сквозняк от открытых окон, – этот дух исходит от инстинктивных страхов, которые управляют нами уже сорок тысяч лет.

Добрый день, это вам.

– сказал я девушке на ресепшене, положив перед ней документ и сразу переведя взгляд на две расстегнутые верхние пуговицы ее блузки.

Спасибо.

– посмотрев на бумаги, резко подняв глаза на меня, девушка увидела направление моего взгляда.

Только в этот момент я осознал, что смотрю на грудь абсолютно незнакомой мне женщины и делаю я это абсолютно неосознанно.

Спасибо.

– скомканно проговорил я и быстро зашагал к лестнице, чтобы не ждать лифта. Я спускался по ступенькам и думал про девушку, вернее, про то, что видел ее впервые и, скорее всего, больше никогда не увижу, да и внешне она не очень, но я все равно инстинктивно посмотрел на ее грудь. Размножение и выживание вида, как единственная цель человека, двигали мною в тот момент.

Все-таки основной инстинкт не зря называется именно так.

Точка номер три.

Я вышел из здания, у меня оставался последний документ, и я решил взглянуть на проблему основного инстинкта с другой стороны. Хорошо, предположим, что так и есть: смысл жизни в выживании вида, и моя функция – это родить ребенка и как можно дольше следить за его безопасностью как продолжателя рода человеческого. Тогда мне

остается только жить дальше, по возможности родить еще детей и обеспечивать их и себя материальными благами, пока не умру.

Но вот проблема в том, что свою эту функцию я уже выполнил и дожить свою жизнь, обеспечив безопасность семье, как-нибудь смогу. Но если у меня в тридцать три возникают сомнения в правильности такой цели, то что же будет потом? Я уже не смогу заикнуться на постоянной постановке новых, ни к чему большему не ведущих целей и их достижении. Я и дальше буду чувствовать необходимость получить другой ответ на вопрос о смысле жизни, ответ, который бы меня устраивал. Потому что этот, извините, меня ни в коем разе не удовлетворяет.

При любом раскладе ничто мне не мешает в любой момент вернуться к этому ответу, смириться с ним и жить как все. Но пока что это выглядит для меня пугающим, я хочу надеяться, что есть другой ответ.

Я почувствовал, как что-то отвлекает меня от моих мыслей, остановился и понял, что получил еще один привет от животных инстинктов – я просто хочу есть. Посмотрев по сторонам, я увидел небольшое кафе с надписью на стекле «Обеденное меню» и решил, что мне надо как раз туда.

Внутри было прохладно и вкусно пахло поджаркой. Я взял поднос и стал в очередь из человек пяти, чтобы из предложенных блюд собрать себе идеальный обед. Пока парень передо мной уточнял, что из меню не содержит животных жиров, я выбирал себе суп посытнее и в какой-то момент понял, что отвлекаюсь от содержимого тарелок на их орнамент.

Все они были одинаковыми и имели орнамент, который представлял из себя углубления – желобки по контуру тарелки, идущие от краев перпендикулярно вниз и уходящие дальше, в содержимое. Я взял тарелку с борщом, хотя его не люблю, и пока ставил ее на поднос, чуть было не пролил: при наклоне борщ пытался выбежать по этим желобкам и разлиться. И ладно бы этот орнамент помогал удерживать тарелку, нет, и эту функцию он не нес – он был не то что бесполезным, а наоборот, мешал тарелке выполнять свою единственную функцию: доставить суп от стола до подноса с минимальными потерями.

Но при всей своей антифункциональности эти желобки имели другую ценность: они делали тарелку более привлекательной с эстетической точки зрения.

Рассчитавшись за обед, я выбрал себе свободный столик, поставил на него поднос, сходил помыть руки и, вернувшись, приступил к обеду. Все это время я продолжал думать о назначении желобков на тарелке,

но, когда я попробовал борщ, он оказался на удивление вкусным и мои мысли полностью переключились на него. Когда я закончил с борщом, я приступил к картофельному пюре с подливой из той самой, пахнущей на все кафе, мясной поджарки. И только когда был съеден кекс с ананасным соком, я откинулся на стуле и вновь посмотрел на тарелку.

Действительно, эти желобки не имели никакой другой функции, кроме как декоративной. И тогда я подумал глобальнее – об искусстве в целом. Ведь это тоже часть существования человеческого вида, более того, некоторые называют именно искусство смыслом своей жизни. А оно тоже диктуется инстинктом выживания?

Пример с бесполезными с практической точки зрения желобками на тарелке говорил об обратном: больше прольешь – меньше съешь – больше шансов умереть от голода. А ведь искусство возникло не сейчас, когда мы выбрасываем черствый хлеб, оно появилось еще в то время, когда умереть своей смертью могли позволить себе избранные единицы.

Ведь как появилась тарелка, вообще посуда. Сначала человек пил воду из лужи после дождя, потом понял, что она быстро уходит под землю и неплохо было бы придумать что-нибудь, чтобы ее хранить дольше. Посмотрел он на землю и видит, что там, где больше глины, вода стоит дольше, значит, надо сделать свою лужу из глины. Взял он кусок глины и слепил из нее какую-то емкость, в ней он мог воду хранить дольше, значит, существенно увеличил свои шансы на выживание. Дальше увидел, что вещи на солнце высыхают и становятся тверже, значит, неплохо было бы и емкость свою обжечь, чтобы не разваливалась. Обжег – емкость прочнее стала, значит, можно сделать ее больше по размерам, чтобы больше воды хранить. Сделал кувшин – хорошо, вообще можно дождя не ждать, вода долго хранится. Сделал кувшин с крышкой, чтобы солнце не попадало, положил туда еду, закопал в холодную землю – еще больше шансов не умереть с голоду между неудачными охотами. Надо в лес подальше уйти, где грибов-ягод побольше, приделал к кувшину ручку, взял воду с собой, в итоге больше еды в дом принес, еще больше шансов на продолжение жизни вида. Потом гончарный круг придумал, разбившиеся горшки в новые стал добавлять, чтобы прочнее было, и так далее – все для того, чтобы шансов на выживание было больше.

До этого момента все понятно и объясняется желанием выжить, основным инстинктом. Но ведь в какой-то день какой-то человек взял и нанес на горшок орнамент: какие-нибудь полоски нарисовал, ямочки сделал, желобки. Никакой практической цели это не имело, наоборот:

из-за них кувшин стал менее прочным. Для чего же надо было это делать? Для того же, для чего это сделано и на тарелке от моего борща, – для красоты, для эстетического удовольствия. То есть когда человек нанес на горшок орнамент, он уже мыслил не только категориями «полезно-бесполезно», но и «красиво-некрасиво». Так появилось то, что мы сейчас называем искусством.

Но получается, что искусство не способствует выживанию человека, а наоборот: кувшин стал менее практичным, а значит, поставил под угрозу выживание. Получается, что искусство – это некий вызов основному инстинкту. Но люди, которые в ущерб выживанию вида стали заниматься искусством, не были изгнаны из племени или убиты, то есть это было сделано с согласия большинства. И искусство развивалось. Кто-то умирал от голода, а в это же время из продуктов питания изготавливались краски для картин. Во время всех войн деньги выделялись не только на пропаганду, но и на нейтральную культуру. Говорят, что когда Черчиллю во время Второй мировой принесли на подпись бюджет, он спросил:

А где тут расходы на культуру?

Ему ответили, что расходов на культуру нет – война же идет.

А он в ответ спросил:

Так а за что тогда мы воюем, если у нас нет расходов на культуру?

Скорее всего байка, но суть-то не меняется: общество разрешило искусству зародиться, искусство выживало в любые, самые тяжелые периоды истории любого народа, и так, видимо, будет всегда. Получается, несмотря на то, что искусство противоречит основному инстинкту, оно, тем не менее, является необходимой потребностью человечества.

Аналогичная ситуация и с вопросом о смысле жизни. Поиск ответа, отличного от «обеспечить выживание вида», тоже имеет право на существование и тоже является необходимой потребностью человека.

Придя к этой мысли, как мне показалось, более-менее законченной, я обратил внимание, что пока сидел и думал, автоматически, абсолютно неосознанно сложил из бумажной салфетки какое-то самопальное оригами, отдаленно напоминающее птицу, возможно, даже голубя. Я посадил своего голубя на край пустой тарелки, на эти самые бесполезные желобки, и у меня получилась целая композиция, даже название родилось мгновенно: «Голубь мира у исыякшего источника». Улыбнувшись, я смотрел на только что рожденное произведение искусства, которое, кстати, полностью оправдывало свою иррациональность с точки зрения основного

инстинкта – салфетка, которая могла быть использована с практической целью, не выполнив свою функцию, была уничтожена в угоду прекрасного.

Я хмыкнул своему умозаключению и почувствовал, что в мою сторону кто-то смотрит. Подняв голову, я увидел, что на «Голубя мира у иссякшего источника», так же, как и я, улыбаясь, смотрит девушка, сидящая лицом ко мне через два пустых столика. Когда я посмотрел на нее, она тоже перевела взгляд на меня, продолжая улыбаться и давая тем самым понять, что положительно оценивает мое творение. Девушка была одета в голубую офисную блузку и показалась мне очень симпатичной, из-за чего, если честно, я даже засмутился от проявленного ею внимания и, продолжая улыбаться, что уже, наверное, выглядело немного нелепо, взял поднос и отнес его к столику для грязной посуды. Я не знал, что мне надо сделать, если я пересекусь с ней взглядами во второй раз, поэтому, оставив свое произведение на суд общества, не оборачиваясь, вышел из кафе.

Вновь идя по улице, обогреваемой полуденным солнцем, я удивился тому, что, несмотря на сытость, я не чувствую привычной послеобеденной сонливости. Это было очень кстати, так как мне оставалось отдать только один документ и я мог быть полностью свободен, а тратить вечер пятницы на сон я точно не собирался. Последняя точка моего маршрута лежала за старым парком, и я пошел по дорожке из потрескавшегося асфальта, петляющей в тени сосен.

Точка номер четыре.

Из головы у меня не выходили та девушка в кафе и то, что она улыбнулась мне, а вернее, моей поделке из салфетки. Просто это было реальным доказательством того, что искусство (будем считать моего голубя именно им) не вызывает порицания, несмотря на свою – в голове родился забавный термин – контрэволюционную направленность. Даже больше, в данном случае оно привлекло ко мне внимание представительницы противоположного пола, самки. А значит, повысила мои шансы на спаривание и, как следствие, продолжение рода и вида...

Стоп. А что, если тот самый человек, который первым нарисовал на горшке цветок, просто был плохим охотником и хотя бы таким образом попытался привлечь внимание самки? Что, если занятие искусством является лишь способом привлечь к себе внимание, осознанным или, может быть, даже неосознанным? Ведь наверняка искусством занимались те, кто не мог поиграть мышцами во время охоты на

мамонта и притащить к себе в пещеру кусок пожирнее. Я стал перебирать своих знакомых, работающих в сфере культуры, – никого из них нельзя назвать богатым.

Но ведь звезды – это не только желтые круги на картине Ван Гога, которую тот рисовал, умирая от голода, на найденном на мусорке куске мешковины. Есть еще звезды, которые тоже занимаются искусством, но при этом платят за одну картину Ван Гога для своей домашней коллекции столько, сколько бы сам Ван Гог не потратил за сотни жизней. Так что искусство – это не легализованный вызов эволюции, а ее потребность: если художнику удастся удачно продавать свои творения при жизни, то он вообще становится героем эволюции и ее верным бойцом.

Получается, что и искусство, и поиск смысла жизни в нем тоже полностью удовлетворяют потребностям основного инстинкта, просто люди, идущие этим путем, занимают другую нишу, менее массовую, а значит, и с меньшей конкуренцией, и с большим шансом продолжить род. А потребность всего человечества в искусстве диктуется необходимостью существования не только рабочих и ученых, но и творцов. Они необходимы виду для того, чтобы тот, кто охотился и воевал, или тот, кто добывал огонь и придумывал плуг, мог вечером переключиться на что-то прекрасное, отдохнуть и завтра с новыми силами продолжить вести свое племя к доминированию, а человечество – к выживанию. Ведь не зря спартанская модель культуры не прижилась, а значит, оказалась более слабой с точки зрения эволюции.

Мой салфеточный «Голубь мира» выполнил свою функцию сполна и во всех аспектах: и уборщица увидит что-то прекрасное и получит эстетическое удовольствие, от которого, может быть, ей легче станет доработать день; и внимание потенциальной продолжательницы рода ко мне этот голубь привлек.

Естественно, это все допущение, никакого произведения искусства я не создавал и создавать не буду так как искусство существует в масштабах всего человечества, и, если и дает ответ на вопрос о своей необходимости, то только на этом глобальном уровне, уровне выживания вида. А в этом нет ответа на мой личный вопрос, заданный на уровне одного человека, меня. Вернее, он есть, но все тот же: жизнь ради продолжения рода. А я, и это я уже точно понимаю, имею право и, что важнее, потребность в другом ответе, не лежащем в этой банальной физиологической плоскости.

Я остановился уже в глубине парка, выйдя на освещенную солнцем круглую площадку. По ее периметру стояло много пустых скамеек, но

мое внимание привлекла желтая бочка на колесах с надписью «Пиво», которую непонятно как затащили на прямоугольное, с обвалившимися краями бетонное возвышение в центре площадки. Около бочки на стуле сидела совсем молодая, как мне показалось, девочка в белом переднике и наливала пиво седому мужчине в коричневом потрепанном пиджаке. Я понял, что бокал холодного разбавленного пива мне сейчас совсем не помешает, и подошел к бочке. Напор был очень слабым: я не только успел подняться по ступенькам на возвышение, но и еще ждал, пока наполнится бокал мужчины. Он рассчитался за пиво приготовленной заранее горстью монет без сдачи, взял бокал и жадно отхлебнул из него, после чего неторопливо пошел к одной из скамеек. Терпеливо подождав, пока наполнится и мой бокал, я рассчитался и тоже сел на одну из скамеек. Девушка достала отложенную книгу и продолжила читать.

Пиво действительно было разбавленным и холодным, поэтому первые глотки принесли мне истинное наслаждение. Наверное, я даже прикрыл глаза от удовольствия, так как не заметил, что мужчина в пиджаке подошел ко мне и уже сидит рядом. Я повернулся к нему, а он, как будто бы не замечая меня, сделал очередной глоток и, смотря внутрь бокала, пробубнил себе под нос, но так, чтобы я слышал:

«Я имею потребность в другом ответе...» Потребность, ответ, я... А что такое вообще «я»?

Вопрос явно адресовался мне, и поэтому мне пришлось включиться в диалог:

Вопрос, конечно, сложный...

Но не сложнее чем тот, на который ты так упорно ищешь ответ сегодня весь день.

Да, тут не поспоришь... Ну смотрите... Я – это человек, то есть вот я сам, мое тело, мозг, душа, если она есть. Ну вот я.

– и я похлопал себя по груди.

И вот смысл жизни именно вот этого себя ты, получается, и ищешь?

Получается, что так.

Потому что смысл жизни, как ты говоришь, человеческого вида, ты уже нашел, да?

Ну не то чтобы прям нашел... Это природой заложено, биологией: цель любого вида – это выживание.

Мужчина по-прежнему смотрел в бокал.

Ну с наукой не поспоришь...

– обреченно протянул он, залпом допил остатки пива и наконец посмотрел на меня:

А как же достаточно популярное в последнее время отождествление «я как всё»?

Ну, вообще, я считаю, что мои рассуждения проходят и в этой плоскости тоже.

То есть ты считаешь, что, рассуждая о смысле своей собственной жизни, ты можешь выйти на универсальный ответ?

Если слово «универсальный» в вашем вопросе происходит от «универсум», то есть Вселенная, то почему бы и нет? Я же являюсь ее частью, как и она является частью меня.

И это, по-твоему, может означать, что твой ответ будет являться ответом Вселенной?

Я ненадолго задумался, после чего признался:

Вот тут, честно говоря, вы поставили меня в тупик.

Мужчина хмыкнул:

Так легко?

Я улыбнулся:

Мне кажется, сегодня это сделать совсем нетрудно.

Мужчина тоже улыбнулся и, указывая своим пустым бокалом пива на почти опустевший мой, предложил:

Еще по одному?

Пиво было холодным, мужчина был очень неожиданным, но очень интересным собеседником, и мне не хотелось заканчивать разговор. Но я подумал, что надо бы отдать этот последний документ и уже потом вернуться сюда:

А вы тут еще долго будете?

Иди уже, надо будет – встретимся. Дай только пару монет, а то мне может не хватить.

Я достал из кошелька всю мелочь и протянул ее мужчине:

Хватит?

Да, должно.

– ответил он, добавив мою мелочь к своей и взвесив все на ладони.

Ну, до свидания тогда.

– я подумал, что, наверное, стоит пожать ему руку, но он отвернулся и как будто не мне сказал:

Давай.

Я направился к выходу из парка, вновь оказавшись в тени деревьев, вспомнил о словах мужчины и понял, что он подтолкнул меня к интересной мысли. Я ищу ответ на вопрос: «В чем смысл моей жизни?» – и при этом рассуждаю глобальными категориями, действительно воспринимая себя частью всего. И, возможно, только так, размышляя

глобально и не ограничивая понятие «я» только самим собой, и можно получить ответ.

Но насколько я, мое сознание действительно являются частью Вселенной? Какова степень моего контакта с ней, каков уровень синхронизации? Вернее, даже не так. Вот как правильнее сформулировать этот вопрос: насколько я могу осознать степень своей синхронизации со Вселенной? Возможно ли, в принципе, интеллектуально, мысленно, то есть методом рассуждений, осознать всю степень своей вовлеченности во всеобщее сознание?

Интеллектуально я осознаю и четко понимаю, что я, мужчина со скамейки, девушка, продающая пиво, все остальные люди, мы живем в одном информационном поле. И в этом поле синхронизация между нами происходит только посредством передачи информации через речь, текст, знаки, символы, жесты и так далее. Но ведь Вселенная, то есть вот эта самая совокупность всего, не ограничивается только информационным полем, которое можно назвать звуками или записать символами.

Существуют еще эмоции, чувства, ощущения, фантазии, сны, интуиция... Не знаю, как это все назвать... Это то, что есть в сознании отдельного человека, но чем он не делится с другими людьми через обычные каналы передачи информации, такие как речь. То, чем он не хочет делиться, а если хочет, то не может сделать это стандартными способами.

Но все равно это есть в голове, в сознании каждого человека. А все это вместе, в совокупности и есть всеобщее сознание. Именно всеобщее, то есть принадлежащее всем. То есть и мне тоже. И тому мужчине на скамейке. И даже тем людям, которых я никогда в жизни не видел.

Люди, которые даже не подозревают о существовании друг друга, обладают неким общим сознанием.

Так четко эту мысль я сформулировал для себя, наверное, впервые. Хотя в той или иной степени я ее осознавал всегда. Даже, скорее, не осознавал, а интуитивно понимал, чувствовал. А вот осознал именно тогда и специально проговорил шепотом, чтобы придать мысли некую материальность:

Люди, которые даже не подозревают о существовании друг друга, обладают неким общим сознанием.

Я был поражен ее простотой и верностью, которая не потерялась даже после того, как я сформулировал ее в словах. Ведь действительно доказательство существования этого всеобщего сознания, этой общей для всех нематериальной Вселенной может выражаться не только в

нематериальных категориях, присущих ей, таких как, например, интуиция. Эти доказательства проявляются, кристаллизуются и в четких, осязаемых формах самой что ни есть материальной жизни людей.

У меня в голове начали всплывать ранее казавшиеся не связанными между собой факты, прочитанные и услышанные в каких-то книгах, передачах, сайтах.

Вот, например, пирамиды. Они, примерно одинаковой формы и размеров, стали строиться в абсолютно разных цивилизациях, разделенных огромными пространствами и, даже более, существующими в разные эпохи.

Научные открытия. Как часто можно прочитать «независимо друг от друга изобрели, открыли...». В каждой стране есть человек, который «создал первое радио». И что самое интересное, ведь действительно: независимо и в абсолютно разных сферах науки люди приходят к абсолютно одинаковым открытиям.

То же и с культурой. Я вспомнил антропологический труд какого-то ученого, в котором он провел глубокий анализ всех известных мифов, легенд, сказок, религий... От христианства и мифов инков до верований никому не известных племен, которые живут изолированно в дремучих джунглях Океании. И он пришел к обоснованному выводу, что эти истории, их сюжеты практически идентичны, суть у них одинакова, несмотря на то, что они придумывались в абсолютно разных цивилизациях, в абсолютно разные времена. Более того, он изучил труды по психоанализу, в которых анализировалось огромное количество снов современных людей, и понял, что все эти сны, то есть коллективное бессознательное, имеют одинаковые черты и связаны между собой. А главное, сны связаны не только между собой, но и с этими верованиями, мифами, обычаями, повторяют их сюжеты и образы, причем абсолютно независимо от знания человека. То есть и полинезийского индейца, живущего охотой на черепахах с помощью заточенной деревянной палки; и самого продвинутого жителя Нью-Йорка, входящего в интернет сразу после выключения зазвонившего утром будильника; и, даже больше, древнего грека, жившего тысячи лет назад, всех их объединяет коллективное бессознательное, всеобщее сознание.

Вновь осознанная простота этого открытия заставила меня остановиться. Но как только я остановился, я понял, что при всей простоте есть одна огромная проблема: даже обладая общим со всеми людьми сознанием, я не располагаю средствами, позволяющими мне

синхронизироваться с тем же ньюйоркцем, не говоря уже о полинезийце и, тем более, древнем греке. Даже с этим мужчиной на скамейке, со своим сыном, с матерью я могу только разговаривать, списываться, то есть обмениваться информацией на уровне речи, знаков, символов. Но осознанного обмена бессознательным не может произойти хотя бы по определению.

Вот в чем загвоздка, не позволяющая мне найти ответ, который, если и есть, то наверняка лежит там. Интеллектуально я не могу синхронизироваться с коллективным бессознательным. Я понимаю, но не ощущаю. Я осознанно остаюсь собой, хотя ответ лежит в общем неосознанном.

И ведь проблема не в том, что между моим сознанием и сознанием другого человек есть какая-то граница, преграда. Нет, ее как раз-таки и нет. Наоборот, это общее пространство, где нет понятия «мое», «твое», «его», «ее». Там есть лишь одно местоимение – «наше».

Проблема заключается в другом. Если стараться все упростить и использовать привычные понятия, то можно сказать так: преградой к этому общему, неограниченному и безграничному банку знаний является невозможность каждого отдельного человека подключиться к нему. У человека просто не хватает инструментов коммуникации, связи. Привычными способами, используемыми для общения между людьми, для обмена информацией, даже для внутреннего диалога с самим собой, человек не может получить полноценный доступ ко всеобщему сознанию. Хотя он постоянно является его частью и регулярно руководствуется им в своей жизни.

Я остановился и захотел проговорить формирующуюся у меня мысль.

Для того чтобы проникнуть туда, вам надо остановить свой внутренний диалог.

– голос дооформил и превратил мою мысль в слова, но, когда я ее услышал, мне показалось, что голос, ее озвучивший, принадлежит не мне. Это ощущение было настолько сильным, что я решил посмотреть по сторонам и понял, что оказался прав: погруженный в свои раздумья, я не заметил людей, которые сидели на небольшой полянке в десяти метрах от дорожки, по которой я шел. Людей было семеро, они сидели кружком на туристических ковриках лицом друг к другу. Слова, которые я поначалу принял за свои, произнесла девушка, и адресовались они не мне, а сидящим в кругу. На девушке были белые спортивные брюки и такого же цвета майка без рукавов и рисунка.

Это была йога, или медитация, или что-то в этом роде, хотя люди сидели в разных позах и никто почему-то не выбрал позу лотоса. Глаза у всех были закрыты, и я подумал, что ничего плохого не случится, если я немного послушаю девушку, которая продолжила:

Не препятствуйте мыслям, входящим в вашу голову, просто не реагируйте на них, позволяйте им течь плавно.

Ага, конечно, попробуй тут не реагировать. Я весь день сегодня только и делаю, что реагирую на эти мысли.

– подумал я, улыбнувшись бессмысленности ее призыва, если бы он адресовался мне. Но девушка сделала паузу, а я повторил ее слова про себя и перестал улыбаться:

А что, если это и есть то самое ограничение? Что, если именно внутренний диалог и реакция на мысли не позволяют человеку синхронизироваться со всеобщим сознанием?

Просто расслабьтесь.

– голос девушки показался мне более громким, чем в прошлый раз, и я посмотрел на нее: она открыла глаза и смотрела на меня, улыбаясь:

Садитесь, тут есть место.

Девушка указала рукой на свободную половину своего коврика, и я, стараясь шагать по траве максимально тихо, подошел к ней и сел рядом, не снимая сумку. Почему-то я принял именно позу лотоса. Остальные участники этого пока еще непонятого мне сеанса или не слышали, как я к ним подсел, или просто не отвлекались на меня. Так или иначе, никто из них даже не открыл глаза, чтобы посмотреть, кто к ним присоединился. Соседка по коврику снова закрыла глаза, и, как только я последовал ее примеру, она продолжила:

Суть традиционной медитации заключается в том, чтобы полностью сконцентрироваться на дыхании и проследить за ритмом вдохов и выдохов.

Ага, значит, все-таки это медитация. Но мне по большому счету было без разницы, чем занимаются эти ребята и чем уже пытаюсь заняться я. Главным для меня было то, что этот процесс может оказаться ключом к осознанному контакту с бессознательным. Ведь последнее, что я понял перед встречей с ними, что именно там, во всеобщем сознании, скорее всего, и лежит ответ на мой вопрос о смысле жизни.

Понимание этого приходит именно тогда, когда вы готовы к нему.

– девушка продолжила свое обращение к медитирующим, и я подумал, что мне стоит сконцентрироваться на том, что она говорит.

Я был уверен, что у меня ничего не получится, ведь я не знал, что именно надо делать, все, что я услышал до этого, это была фраза про дыхание и концентрацию на нем, но ведь наверняка в этой их медитации есть еще куча сложных правил, которые я пропустил.

Все, что надо сделать, это расслабиться и сконцентрироваться на движении вдыхаемого и выдыхаемого воздуха.

– девушка продолжила, и я обрадовался тому, что успел, видимо, на самое начало занятия.

Прислушайтесь к ощущениям, которые возникают при каждом вдохе и выдохе. Понаблюдайте за своим дыханием, но не регулируйте и не подстраивайте его. Не ожидайте чего-то особенного.

– девушка очертила правила и замолчала.

На самом деле правила оказались очень простыми. Может быть, это было краткое руководство для чайников, то есть для меня, а может быть, они и вправду тут особо не напрягаются и все так легко. Но так как она не обозначила больше никаких условий, которые надо соблюдать, я решил, что вполне справлюсь с ее наставлением и стал прислушиваться к своему дыханию.

Несмотря на простоту этой медитации, ощущения были весьма необычные. Вернее, не было каких-то особых ощущений, просто я действительно стал замечать, что мысли перестают быть первостепенными, а на первый план выходит какое-то новое для меня состояние, описать которое словами невозможно.

Неужели это и есть то самое проникновение во всеобщее сознание? Эта мысль просто не могла не стать доминирующей и снова вернула меня в мир размышлений. Я стал немного зол на себя и начал пытаться ее прогнать, чтобы вернуться к тому состоянию. И именно в этот момент девушка снова обратилась ко всем, но мне показалось, что она обращается только ко мне:

Если вы заметили, что отвлеклись, не ругайте себя и постарайтесь снова сосредоточиться на дыхании. Умение замечать рассеивающееся внимание и вновь концентрироваться на дыхании, не критикуя себя, считается важнейшей составляющей медитации.

Вот это хорошо, значит, надо просто продолжать.

– подумал я, успокоившись. А девушка, после паузы, которую взяла как будто специально для того, чтобы дать мне время на эту успокаивающую мысль, закончила свою рекомендацию:

В конце концов ваш разум может стать гладким, как зеркальная поверхность озера. А может и не стать. Что бы ни случилось, просто примите это как данность.

Отлично, «как данность», в принципе, ничего сложного. И я снова сконцентрировался на дыхании.

Мысли, конечно же, никуда не делись, они продолжали лезть мне в голову, но теперь я уже был не внутри их, а как будто бы смотрел на них со стороны. Я понимал, что я – это не только мои мысли, и даже не столько они. Спустя некоторое время я полностью перестал реагировать или отождествлять себя с ними. Я доверился этому новому для себя состоянию и полностью погрузился в него, после чего мысли пропали вообще.

Точка номер пять.

Первое, что я вновь впустил в свою голову, была Алеся, а точнее, документ, который я все еще должен ей передать, а еще точнее, то, что по пятницам Алеся уходит с работы рано и я могу не успеть этого сделать.

Я открыл глаза и понял, что все мои новые знакомые, включая девушку в белой майке, видимо, не желая меня беспокоить, уже ушли, любезно оставив мне коврик, на котором я сидел. Не зная, что делать с чужим имуществом, я аккуратно свернул коврик и, решив, что прятать его где-нибудь в кустах не лучшая идея, пристроил его под клапан своей сумки. Я собирался вернуть его хозяйке, придя на это же место потом, может быть, завтра ну или найдя информацию о ней в интернете – наверняка их кружок там есть. А пока коврик очень даже гармонично разместился в сумке, с ним я почувствовал себя каким-то более приспособленным и готовым ко всему.

Алеся работала в компании наших партнеров, в той самой последней точке моего маршрута, но я знал ее уже давно – мы вместе учились. Их фирма небольшая, несколько человек, они снимают маленький офис в старом здании, да и приходят туда, только когда есть работа. Так как я знал, что особой работы у них сейчас нет, то и предположил, что в офисе только Алеся, которая там и так никогда не задерживается, а тем более в пятницу. Поэтому я прибавил шаг.

Выйдя из парка, я перешел пустую дорогу, прошел под аркой и оказался во дворе двухэтажного здания, построенного, наверное, сразу после войны, и зашел внутрь с черного входа. Алеся еще была на месте, но собиралась уходить, так как когда я открыл дверь в ее офис, компьютер был уже выключен, а она поправляла перед зеркалом свое короткое голубое платье в белый горошек. Она ждала меня, так как, не отводя взгляда от зеркала, спросила:

Чего ты так долго? Я уже собираюсь.

Я вижу. Привет.

– сказал я, достал из сумки последний документ, лежащий прямо под туристическим ковриком, и положил его на стойку, отделяющую меня от Алеси. Она отошла от зеркала, взяла бумаги и, даже не взглянув, что там написано, небрежно положила их на стол, после чего взяла в руки свою большую и пеструю сумку, больше напоминающую пляжную, чем офисную, наконец-то посмотрела на меня и спросила:

Тебе еще надо куда-то?

Да нет, я уже свободен.

Так поехали вместе?

Куда?

А куда ты собрался с ковриком? На море, конечно, наконец-то погода хорошая.

А ты на машине?

Ну конечно. А ты?

А я сегодня без.

Ну и отлично, поедem на моей. Ты в кроссах?

Алеся сама посмотрела на мои ноги и, увидев, что я в кедах, продолжила:

Ну норм. А то я не люблю, когда на пляже много народа. Покажу тебе одно крутое место.

Там хоть не надо идти километры по горам?

Надо, но не километры. Хватит ныть, поехали.

– Алеся подтолкнула меня к выходу, и я заметил, что у нее на ногах белые кроссовки, которые абсолютно не сочетались с платьем, но именно поэтому идеально сочетались с характером самой Алеси.

Пока мы выходили из почти пустого здания, я подумал, что и сам мог догадаться рвануть сегодня на море. Но, видимо, необходимость вернуться домой за машиной, переодеться, собраться и не дала идее о поездке попасть мне в голову. А вот Алеська молодец (я ее всегда уважал за готовность совершать такие поступки): кроссовки надела – и вперед.

Ну а чего уж тут? Сколько того лета? Я с утра купальник с собой взяла.

– сказала Алеся, выходя из здания на солнце и придерживая мне дверь.

И тут я притормозил, так как вспомнил, что у меня-то с собой ни плавок, ни полотенца не было. А море я очень люблю, а в такой жаркий день я бы окунулся с тройным удовольствием.

Чего ты? Что, забыл что-то?

Слушай, вообще я не собирался на море, этот коврик я случайно...
взял с собой.

У меня есть лишнее полотенце.

А плавок лишних нет?

Алеся улыбнулась:

Придумаем что-нибудь.

С Алеской мы учились в параллельных группах и в студенчестве, конечно, общались, но не очень тесно – у нас были разные компании. А спелись мы с ней, когда через лет пять после универа встретились как-то в городе, разговорились и выяснили, что часто переписываемся по рабочим вопросам, даже не зная, что знакомы. Потом начали встречаться вчетвером, семьями, потом у меня с женой родился ребенок, и я не только с Алесей, со всеми стал меньше видаться. А потом, после развода, когда я снова стал жить один, я начал очень часто с Алесей общаться. Напрямую я ей ни разу не рассказывал, как тяжело переношу расставание с женой и сыном, но она, наверное, понимала, что мне просто надо общение, надо рассказать что-нибудь, послушать. И мы с ней разговаривали о том о сем, и мне как-то легче становилось. Потом, когда меня отпустило, развелась уже она, и я ей помогал тем же. Ну или мне так хотелось думать, потому что Алеся, мне кажется, нуждалась в помощи в гораздо меньшей степени, чем я в свое время, если вообще нуждалась. Скорее всего, она общалась со мной потому, что ей просто нравилось. Она вообще делает только то, что ей нравится. Или ей нравится все то, что она делает.

В общем, можно сказать, что Алеся мой друг, только с ней еще проще, так как можно говорить о том, что мужчины обычно не обсуждают. И, несмотря на то, что она женщина, а может быть, наоборот, именно поэтому, у меня с ней наладилось очень хорошее взаимопонимание.

Вот и тогда мы ехали в ее старенькой, но досмотренной машине, фоном играл какой-то рок-н-рольчик, она смотрела на дорогу, я смотрел на море, и никого не напрягало, что мы не разговариваем о чем-то, не заполняем тишину словами. Как будто мы мысленно договорились думать каждый о своем и не переживать по этому поводу.

Вообще, такое у меня было, наверное, только с Алесей и с бывшей женой. Я имею в виду ощущение, что вы с человеком понимаете друг друга абсолютно без слов. Используя термины и открытия, к которым я пришел во время своих размышлений в тот первый и самый длинный день лета, можно было сказать, что у нас с Алесей за годы общения

получилось немного синхронизироваться между собой во всеобщем сознании, мы научились общаться на его уровне, а не только словами.

Слушай, а как общаются дельфины?

– не отрывая взгляд от дороги, абсолютно неожиданно спросила Алеся.

Ты что, увидела дельфинов?

– я начал тщательнее вглядываться в поверхность воды, думая, что не заметил их.

Нет, просто интересно. Они же не разговаривают, не передают звуки, а как-то понимают друг друга. У них какая-то взаимосвязь получается на непонятном уровне?

Не знаю, по-моему, они просто ультразвуком общаются, который человек не слышит.

А... Ну тогда понятно...

Этот неожиданный Алескинский вопрос про дельфинов натолкнул меня на параллель с тем, о чем я думал до того, как она его задала. Дельфины общаются между собой, издавая звуки, человек не слышит ультразвук, эти частоты, и до изобретения специальных приборов не понимал, как они передают друг другу информацию. А они просто разговаривают, как люди, можно сказать, словами. Только эти слова неуловимы для человеческого уха. И все люди сейчас общаются словами, которые или произносят и слышат, или пишут и читают. А общение без слов, эта синхронизация двух людей во всеобщем сознании, оно происходит без звуков, жестов, текста. Это общение есть, но, как оно происходит, мы не понимаем, не улавливаем. Наверное, не улавливаем только пока.

Ведь раньше люди жили и без речи, в доязыковой период, общались жестами и мимикой. И если бы взять человека из того периода и переместить на пару тысяч лет вперед, во время, когда люди уже общались словами, он бы тоже не понял, как они, не шевеля руками, передают друг другу информацию.

И вот что интересно, речь в оформленном виде, такая, какой мы знаем ее сейчас, появилась не сразу. Сначала люди общались исключительно жестами, потом только, с развитием речевого аппарата, люди стали издавать какие-то звуки, которые со временем эволюционировали в полноценный язык. И наверняка был такой период в развитии речи, на начальном этапе, когда один человек издавал звук, не сопровождая его жестом, а второй понимал, что тот имеет в виду. То есть информацию он понимал, а, как именно он ее понял, не осознавал, не понимал, что информация шла не через жесты, а по другому каналу,

звуковому. Со временем звуки стали более осознанны, и люди уже осмысленно использовали их, понимая, что именно с их помощью передают информацию, как сейчас.

Потом появилась письменность, и люди смогли передавать информацию еще и в пространстве и времени. То есть написанный одним человеком текст могли прочитать люди в том месте, где он никогда не был, и те люди, которые жили гораздо позже, после его смерти.

Это очевидно сейчас, когда мы абсолютно осознанно используем речь и ее материальное проявление – текст. Но когда-то она появлялась абсолютно интуитивно и осознавалась постепенно.

Может быть, и сейчас, когда мы с Алесей или еще с кем-то, что называется, «понимаем друг друга без слов» и при этом абсолютно не осознаем, как именно это происходит, это тоже интуитивное использование какого-то нового канала связи? Какая-то синхронизация с человеком, проникновение во всеобщее сознание, которое мы еще не можем осознать.

Я посмотрел на Алесю, а она, продолжая смотреть на дорогу, улыбнулась и сказала:

Да, наверное, ты прав...

Ты о чем?

Об ультразвуке. А ты?

Ну это же не ультразвук, ты понимаешь?

Да все я понимаю... Приехали уже.

– Алеся переключилась на нейтралку и дала машине, плавно теряя скорость, остановиться на обочине. Мы припарковались в месте, с которого, казалось, к морю не пройти, так как его даже не было видно за скалой.

Тут есть проход?

Ну не зря же я про обувь тебя спросила.

Мы вышли из машины, Алеся достала из багажника рюкзак, переложила в него вещи из своей сумки, которую я ошибочно назвал пляжной, надела рюкзак на оба плеча и, закрыв сумку в багажнике, посмотрела на меня. Я перекинул через плечо свою офисную сумку с туристическим ковриком, показав тем самым свою готовность, и мы пошли вдоль скалы.

Через метров сто я понял, как мы попадем к морю: в скале был невидимый с дороги проход, который вывел нас на тропинку, ведущую вниз к берегу, через приятно пахнущий можжевельный лес. Тропинка была весьма условной, и всю дорогу я боялся, что потеряю коврик,

который постоянно цеплялся за деревья. К тому же все это время мы спускались по камням, и я понял, зачем была нужна удобная обувь. Но запачканные пылью кеды и кое-где поцарапанные о сучки руки окупались многократно, когда прямо из леса мы вышли на небольшой песчаный пляж, который был отрезан от остального берега скалами и, видимо, из-за своей недоступности был абсолютно пустой.

Неплохо, да?

– спросила Алеся, посмотрев на мое лицо, в тот момент явно выражавшее впечатление.

Как ты его нашла?

Кто ищет, тот всегда найдет.

– Алеся сняла рюкзак, поставила его на песок, скинула с себя платье, под которым уже был надет купальник, и начала расшнуровывать кроссовки:

Пошли купаться!

Я тоже стал разуваться, но не так смело, ведь я же на море сегодня не собирался.

Видимо, заметив это, Алеся улыбнулась:

Точно, ты же без плавок...

Она разулась и, не переставая улыбаться, сняла с себя купальник и положила его на рюкзак.

Это чтобы тебе не было обидно.

– Алеся побежала в воду.

Раньше я никогда не видел ее голой, но почему-то ее нагота меня абсолютно не смутила, хотя фигура у нее оказалась классной. Я тоже разделся, сложил одежду в сумку и пошел за Алесей.

То ли из-за плавного берега, то ли из-за дневной жары, но море было очень теплым, и я с головой нырнул в волну. Я быстро доплыл до Алеся, которая ждала меня, стоя в воде почти по шею:

Тепленькая, да?

Вообще красота!

Мы молча поплыли к горизонту, наслаждаясь морем, которое на глубине было прохладнее и поэтому приятно освежало тело. Через некоторое время мы переглянулись и поплыли обратно.

Выйдя на берег, Алеся нагнулась и достала из рюкзака два полотенца, протянув одно из них мне. Я вытерся быстро и развернул на песке оставшийся мне после медитации коврик. Алеся вытиралась медленнее, закончив, положила полотенце сохнуть поверх своего рюкзака и села на коврик лицом к морю, не надев купальник. Я думал

завязать свое полотенце на поясе, но тоже положил его сохнуть на свою сумку и сел рядом.

Некоторое время мы молча смотрели на море. Я думал о том, что сейчас происходит: мы с Алесей, к которой я всегда относился именно как к подруге, сидим голые, около моря, на прекрасном пляже, на котором больше никого нет... И я подумал, что совсем не против того, чтобы заняться с ней любовью. Но хочет ли этого она?.. И действительно ли хочу этого я? Ведь если это произойдет, то потом возникнут определенные последствия, и они, возможно, плохо скажутся на нашей дружбе, которую я очень ценю. Стоит ли ею рисковать? Тем более, понимая, что причиной моего желания, скорее всего, является именно основной инстинкт. Или же нет? Может быть, полный телесный контакт с человеком, который мне и без этого очень близок, даст нам возможность еще лучше понимать друг друга? Влияет ли физический контакт на степень синхронизации между сознаниями людей?

Я попытался проанализировать свои ощущения и природу желания заняться с Алесей сексом и понял, что мною движет не основной инстинкт, а то, что я осознанно хочу сблизиться с Алесей на ментальном уровне. А обстановка, в которой мы с ней находились в тот момент, подразумевала именно телесный контакт. Вернее, даже мой социальный опыт, полученный из жизни, кино, книг и проанализированный в данный момент, подвел меня к выводу, что именно секс между мужчиной и женщиной является привычным занятием в тех обстоятельствах, в которых мы с Алесей оказались тогда. И да, она действительно привлекала меня физически: внешне она мне всегда нравилась, а тело ее оказалось даже более сексуальным, чем я представлял.

В тот момент меня не волновало, почему я настолько подвержен даже не основному инстинкту, заложенному биологией, а сугубо социальным стереотипам, которые буквально обязывают людей к сексу в определенных обстоятельствах. Меня волновало другое: нужен ли нам с Алесей секс, телесный контакт, чтобы укрепить нашу связь, налаженную на невербальном уровне? Или же, наоборот, это повлияет на наше взаимопонимание негативно и нарушит эту интуитивную связь?

Я продолжал смотреть на море, в нерешительности и замешательстве, пытаюсь понять, думает ли Алеся сейчас о том же, о чем и я, когда боковым зрением увидел, что она повернулась ко мне. Я тоже повернул голову и посмотрел на нее.

Мы молча смотрели друг другу в глаза, и вдруг я ощутил резко наступившее спокойствие. Я не получил никакой информации от Алеси, я не пришел к какому-нибудь аналитическому выводу, опираясь на ее мимику или жесты, я просто понял. Понял, что ничего делать не надо, что все и так прекрасно, что Алеся тоже это понимает, что мы понимаем это оба и это действительно наше общее знание.

Осознание этого пришло ниоткуда, но было настолько истинно и очевидно, что я улыбнулся ощущаемому мной чувству спокойствия и умиротворения. Алеся улыбнулась в ответ, и в тот момент я четко понимал, что она улыбается этому же, что она чувствует то же самое.

Мы снова повернулись к морю, и еще некоторое время я ни о чем не думал и просто наслаждался обретенным только что спокойствием...

Сегодня у меня очень необычный день.

– в один момент я просто почувствовал, что хочу это сказать, и, не услышав от Алеси ничего в ответ, понял, что она хочет это услышать.

Я сегодня утром подумал, что хочу получить ответ на очень сложный вопрос.

В чем смысл жизни?

– угадала Алеся, не переставая смотреть на море.

В ответ я просто кивнул. Мне казалось, что мы смотрим в одно и то же место.

Ты знаешь, три года назад именно на этом пляже я задавала себе этот вопрос. Вернее даже, у меня была куча вопросов, но они были более приземленные: как мне правильно сформировать свое будущее, узнать, что меня ждет, назначение... Короче, таких вот вопросов. Но не глобальный смысл жизни всего. Скорее, более эгоистические такие штуки, которые у меня отпали буквально сразу же.

Я чувствовал, что Алеся хочет поделиться чем-то очень интересным для меня, и попросил: «Расскажи», – хотя абсолютно не обязательно было это озвучивать – Алеся продолжала:

Ну я пропущу первые стадии... наркотического опьянения, с тем, что все красиво, что все хочется потрогать, ты видишь все в 3D, отсутствие черного цвета, небо семи цветов... У меня была, значит, такая штука... Вот дальше начинается все интересно.

Я перестала говорить с людьми, которых рядом было шесть человек. Мы ходили по этому пляжу, по лесу, все отдельно. Мне достаточно было посмотреть на человека, и я понимала, чего он хочет и так далее. То есть достаточно было просто какого-то контакта, просто вступить с ним в телепатическую связь, даже смотреть было не

обязательно, я знала, где они все находятся, несмотря на то, что мы бродили по большому участку местности. Что касается группы, кстати, мы переживали разное, то есть мы ходили отдельно, в какие-то моменты мы собирались вместе, я даже помню, что кто-то шел и смеялся. А под этим делом же как? У тебя абсолютно чистая голова, нет такого, что ты не помнишь, ты как раз-таки все прекрасно помнишь, и, более того, ты все осознаешь, но ты как бы отсоединяешься от себя – вот у меня было такое, очень точное ощущение – и смотришь на все как бы со стороны. То есть я понимала, что «я» – это где-то вот здесь.

Алеся поводила рукой у себя над головой и продолжила:

Наблюдаю за собой, но я никуда не отсоединяюсь от себя...

Был еще один такой классный момент: я подходила и знала, откуда здесь, например, вот этот камень взялся.

Алеся кивнула головой в сторону выступающих над волнами в нескольких метрах от берега камней, и я понял, про какой именно она говорит.

Просто мне была очевидна его история, как он здесь оказался. Я могла подойти к дереву, и я знала полностью его составляющие, я понимала, что в нем шевелится, от листиков до корней, и куда это все уходит, и откуда идет вода. То есть ты в курсе этого за мгновение, тебе не нужно даже задавать этот вопрос, ты просто знаешь это – и все.

Потом было вообще интересно. Я вот точно помню, как шла по песку и начала перелетать в разные точки планеты, то есть я реально переносилась туда. Я была в Канаде, например, была над какими-то городами, еще где-то, где раньше не была. Но самое интересное, что потом я побывала в некоторых из этих мест. Или потом увидела по телевизору то место, над которым я пролетала. То есть, например, канадский лес, не какой-то, а конкретный лес в Канаде, позже я в нем случайно оказалась, когда ездила в Калгари к подруге.

И потом я вдруг ощутила всю планету, я знала, где у нее что-то вспыхивает, вот как микровзрывы какие-то. Причем это было связано не с реальными взрывами, это было связано именно с людьми. То есть я имею в виду не движение, например, лавы, а какой-то конфликт. Вот здесь – это, здесь – это. Это можно было бы сравнить с цветом, вот как вспышки на солнце фотографируют, но, скорее, это было просто на ощущениях.

А потом я услышала звук планеты, общий. Общий звук планеты... Самое интересное, что потом, если я вот сяду одна в любом месте и сконцентрируюсь, я могу его слышать. Но я этого уже давно не делала. Сначала я делала это часто, потом все реже. Но, в принципе, я могу это

делать. Я знаю, как она звучит. Это сложно воспроизвести. Это вроде набора хаотических звуков, который складывается в слово, очень похожее на «аллилуйя». Ну примерно. Это похоже на какой-то хор, состоящий не только из человеческих голосов, на движение какой-то энергии. И более того, я знала геометрическую форму, которая соответствует этому звуку. Потом я ее увидела. То есть все, что мне рисовалось под этот звук, вот эти бесконечные линии, я потом увидела в росписи буддийских храмов...

А потом, когда я улетела за планету и попала в космос, там была абсолютная пустота. Я услышала эту пустоту. Это не движение, это отсутствие, как бы «ничего»...

И потом мне уже стало так плохо от количества полученных знаний, что я уже старалась сделать все, чтобы дальше ничего не знать... То есть я поняла, что если я узнаю, что еще там дальше, то просто умру. Ну или со мной что-то такое случится.

Это было связано именно со знаниями, вот там я могла очень точно использовать именно слово «знания». Я знала это... Это как то, что я могу сейчас сказать, что это полотенце лежит на этом рюкзаке.

Алеся потрогала свое полотенце.

То есть я это вижу, я это чувствую... Но там это работает на каких-то других уровнях... То есть я это видела, чувствовала, но как-то... сверх. Мне не хватает физических, земных знаний вот для этого...

У меня возникали какие-то картинки с прародителями человечества, какими-то темнокожими людьми. Причем я не думала, что это прародители, я тогда не была знакома с доказательствами этого. То есть я учила в школе про неандертальцев, еще там про кого-то, я представляла, что первый человек – это бородатый, с огромной челюстью чувак. А тут вдруг вижу красивую негроидную расу, женщину с грудью, ее детей, огонь какой-то... И вот все эти рисунки, это все, вот эта песня планеты, это все оттуда...

И потом я стала пытаться оттуда выходить и возвращаться сюда. У меня не было страха, в обычном понимании, я не думала про смерть, но я боялась, что не выдержу такого количества знаний, что я исчезну, что я растворюсь... Я не боялась, но я понимала, что не хочу больше, что мне этого достаточно. И я постепенно вернулась сюда...

Вот так.

Внимательнее, чем рассказ Алеся, я, наверное, ничего никогда не слушал. Я старался представить все, что она говорила, и у меня это прекрасно получалось. И все эти кажущиеся фантастическими вещи мне представлялись настолько реальными, что иногда я думал, что не

слушаю рассказ другого человека, а вспоминаю то, что происходило со мной самим.

Когда она закончила, я понял, что не хочу задавать ей никаких вопросов, но спросил:

И ты получила ответ?

После короткой паузы Алеся кивнула. А я в тот момент знал, что она кивнет, и я четко понимал, что задавал свой вопрос не чтобы увидеть кивок Алеси, а только для того чтобы сказать:

Мне тоже нужен ответ.

И я знал, что будет происходить дальше. А дальше Алеся взяла свой рюкзак, расстегнула молнию на самом маленьком кармане и достала оттуда коробок. Покопавшись среди спичек, она нашла крошечный кусочек бумаги, состоящий всего из трех клеток, вырезанных из школьной тетради, и протянула его мне:

Просто съешь.

Я закинул бумажку в рот, тщательно пережевал, проглотил и почему-то закрыл глаза. Просидев так меньше минуты и просто слушая шум волн, я спросил:

А когда начнется?

Все уже закончилось.

– женский голос ответил мне сразу, но это была не Алеся. Я испугался и быстро открыл глаза. Улыбаясь, на меня смотрела преподавательница медитации, сидящая в своей белой майке на коврике там, где минуту назад сидела Алеся. Остальные участники сеанса в парке тоже сидели в круге, но все они уже открыли глаза, а некоторые даже начали скручивать свои коврики.

Наверное, заметив мое недоумение и пытаясь меня успокоить, девушка медленно положила руку мне на плечо и, продолжая абсолютно искренне улыбаться, сказала:

Если хотите, приходите еще, мы собираемся здесь каждую пятницу.

Я не могу: у меня по пятницам работа.

Как только я произнес слово «работа», я вспомнил про документ, который еще не отнес, поднялся на ноги и поправил сумку, а девушка, как будто сразу забыв про меня, начала скручивать освобожденный мною коврик.

Пробубнев что-то типа «до свидания», я быстро вернулся на дорожку и пошел к выходу из парка. На мобильнике было уже начало пятого, и, поняв, что могу не успеть отдать документ, я позвонил Алесе, она ответила почти сразу:

Привет.

Ты еще на работе?

Нет, конечно, сегодня же пятница.

А есть кто-нибудь в офисе?

Что случилось?

Да ничего, просто у меня документы какие-то, меня на конторе вам отнести попросили.

Голос Алеси стал существенно спокойней:

Слушай, знаю я про эти бумажки, они нам нужны будут в лучшем случае в следующую среду. Отдашь в понедельник. Если хочешь, пересечемся перед работой...

Хорошо, спасибо. Да, давай так и сделаем.

А что ты сегодня вечером планируешь?

Не знаю еще. Может, с ребятами встречусь, пиво попьем... А что?

Если хочешь, можешь ко мне приехать: бумаги отдашь и со мной пиво попьешь.

Ничего не случилось?

Да нет, все хорошо. Просто давно уже не виделись как-то.

Слушай, ну давай. Пиццу поедим?

Да, я закажу.

Тебе вина взять?

У меня есть. Ты когда будешь?

Ну вот сейчас к тебе и поеду, я около твоей работы.

Ну норм, жду тогда.

Окей. Пока.

Пока.

Я положил трубку, вспомнил, что трамвай, который идет к Алесе, останавливается с другой стороны парка, и развернулся. Я решил снова пройти через площадку, на которой пил пиво, и если тот мужчина еще не ушел, то договорить с ним.

Точка номер шесть.

Все скамейки были пустыми, и девушка, которая раньше продавала пиво, теперь уже, сняв передник и оставшись в джинсах и ярко-красной майке, вешала замок на металлический кожух, закрывающий кран пивной бочки. Увидев меня, она с виноватой улыбкой сказала:

Извините, я уже закрылась.

Нет-нет, все нормально... А этот мужчина, с которым я разговаривал, уже ушел?

Девушка посмотрела на скамейки, как будто ожидая там кого-то увидеть, но поняв, что никого нет, посмотрела на меня и пожала плечами.

Я собрался уходить, но девушка попросила меня помочь ей с замком:

Извините, что-то с ним сегодня не так, может быть, у вас получится закрыть?

Взяв у девушки ключ, я сразу определил причину проблемы: старая резьба от времени и многократных закрытий-открытий сточилась, и ключ прокручивался в скважине. Но после оборота пятого зубья все же зацепились за нужную деталь, и замок закрылся.

Девушка обрадовалась этому, ведь теперь она могла быть свободна, и поблагодарила меня:

Спасибо вам большое.

Да не за что.

Возникла неловкая пауза: нам обоим, незнакомым людям, надо было уходить и, скорее всего, в одну и ту же сторону, но идти вместе и не разговаривать было бы странно, так же, как и идти друг за другом, поэтому я спросил:

А вы на трамвай?

Да.

Ну пойдете вместе, мне тоже.

Да, пойдете.

И мы пошли на остановку вместе, девушка молчала, и меня немного напрягала эта тишина: я не мог думать о чем-то своем, потому что эта ситуация требовала от людей какого-то разговора, заполнения тишины. Я вспомнил Алесю и понял, что совместная тишина, не напрягающая ни одного из собеседников, это очень серьезное достижение. Я захотел поделиться этой мыслью со своей случайной спутницей, но понял, что это как-то очень интимно для начала разговора незнакомых людей, и поэтому решил оставить это умозаключение при себе. Но так как я уже набрал воздух – и это было заметно, девушка посмотрела на меня, так как поняла, что я хочу что-то сказать, и я выдал первое, что пришло на ум:

А вы тут пиво продаете, да?

Да, вот вам, например, недавно продавала.

– этой, как мне показалось, довольно-таки милой шуткой девушка сгладила неказистость моего вопроса, и мы оба улыбнулись.

Но, следует отметить, это не моя работа. Не в том смысле, что это не мое призвание. Это работа принадлежит не мне.

Я пытался понять, что она имеет в виду, но не понял. Заметив недоумение на моем лице, девушка улыбнулась и решила объяснить – она указала в сторону остающейся за спиной бочки:

Там работает моя подруга, но у нее заболела дочь, и она попросила меня подменить ее. А я работаю на дому, я фрилансер.

Тогда я все понял и интенсивно закивал.

Но, вообще, так делать запрещено...

Ну да, понимаю, санкнижка, все дела.

Но вы меня не выдавайте, хорошо?

Ну уж нет, сейчас отведу вас в отделение.

Девушка, как мне показалось, искренне засмеялась, хотя это было странно, так как шутка моя была настолько примитивной, что я даже захотел вывести разговор из русла юмора:

А кем вы работаете на дому?

Ой, это сложно объяснить... Но вообще я занята в международном научном проекте.

Ого!

– услышав свое «ого» со стороны, я подумал, что моя реакция больше похожа на сомнение, чем на удивление, и попытался продолжить уже максимально заинтересованным тоном, но все равно даже сам себе я почему-то казался неубедительным:

А как ученый работает дистанционно?

Я не ученый, я переводчик. Но в последнее время мне пришлось прочитать столько научной литературы, что я задумываюсь о защите кандидатской.

Я улыбнулся и, вспомнив ровную и четкую речь девушки, охотно поверил, что она лингвист и, скорее всего, весьма эрудирована. Решив, что мне стоит соответствовать ее уровню, я сначала сформулировал свою мысль, потом проговорил предложение про себя и только после этого озвучил его максимально четко:

И все же мне очень любопытно узнать, в чем заключается суть научного проекта, в котором вы заняты?

Я, видимо, немного переборщил, так как девушка после моего чересчур официального вопроса стала гораздо серьезней и принялась рассказывать о своей работе очень по-деловому, но, как мне показалось, и очень охотно и откровенно:

Для начала я должна предупредить, что не буду называть никаких имен, названий, цифр – я подписывала соответствующее соглашение. Да и она, я имею в виду конкретику, по правде говоря, не важна.

Я поднял повернутые к девушке ладони на уровень плеч – этот жест, в моем представлении, должен был показывать, что я не имею никаких претензий по этому поводу, – казалось, девушка истолковала его верно.

Наверняка вы слышали об искусственном интеллекте.

Я уверенно кивнул и стал вспоминать фильмы про роботов и будущее.

Так вот на самом деле это не то, что показывают в фильмах про роботов и будущее.

– сразу сориентировала меня девушка и продолжила с явным знанием дела и с явной вовлеченностью в него. Говорила она очень ровно и делала паузы, как я понял позже, лишь в тех местах, где встречался какой-то термин, который она заменяла словом попроще, пытаюсь адаптировать терминологию для простого обывателя, меня:

Кстати говоря, фильмы и другие художественные фантазии о будущем весьма наглядно иллюстрируют развитие науки и прогресс. Если мы читаем или смотрим какое-нибудь художественное произведение о будущем, созданное нашим современником, скажем пять лет назад, нам интересно, так как мы находимся с автором на одной ступени развития и наши представления о будущем примерно схожи. Но когда мы читаем книгу писателя-фантаста, написанную лет пятьдесят назад, то его представление о будущем кажется нам весьма наивным, так как автор жил в совсем другом контексте и опирался в своих рассуждениях на абсолютно другой уровень развития человечества.

Еще более наглядно о скорости прогресса может рассказать история. Если, например, взять человека, который жил триста лет назад, и показать ему современность, то он, скорее всего, сойдет с ума или вообще не сможет выжить. Но если переместить в его время, в начало восемнадцатого века, человека, который жил за триста лет до того, в начале пятнадцатого века, то он, конечно, будет удивлен увиденным новациям, но сможет адаптироваться и спокойно жить в новых условиях.

Я говорю это к тому, что временной промежуток, за который прогресс меняет человеческую жизнь кардинально, постоянно сокращается. В моем примере речь шла о трех веках, в начале же человеческой истории счет шел на десятки тысяч лет, а уже сейчас мы можем говорить о десятке лет. А так как этот временной промежуток

постоянно сокращается, то через десять лет он уже будет исчисляться годами, а дальше месяцами и так далее.

Девушка сделала небольшую паузу, дав мне возможность задать вопрос:

Я, наверное, сейчас спрошу глупость, вы уж меня извините, но если он, я имею в виду этот временной промежуток, постоянно сокращается, то не может ли случиться такое, что в какой-то момент он, скажем, вообще исчезнет? Ну то есть станет незначительным?.. То есть люди будут жить как бы в мире тотального прогресса, что ли?..

Девушка как будто ожидала именно этого вопроса:

Абсолютно адекватный вопрос. Более того, наши исследования напрямую связаны именно с этой проблемой. Дело в том, что, люди, пытаясь представить, что будет, скажем, через десять лет, анализируют прошлые десять лет. Что уже неверно.

Я захотел показать, что понимаю, о чем говорит девушка, и, воспользовавшись короткой паузой, продолжил ее мысль:

Так как временной промежуток кардинального изменения постоянно сокращается.

Абсолютно верно. Более того, любые наши представления о будущем базируются на нашем опыте. Мы не можем предположить, что может произойти то, чего раньше никогда не происходило. Любые представления о будущем, которые разнятся с нашей действительностью, кажутся фантастическими и сразу отвергаются нашим мозгом. Даже фантазия ограничена историческим опытом. Такова психология человека.

В науке есть такое понятие – «сингулярность», оно используется для описания необычных ситуаций, когда обычные правила больше не работают. Например, состояние Вселенной до момента так называемого Большого взрыва, когда ее плотность и температура были равны бесконечности, причем одновременно. Это противоречит всем известным ныне физическим законам. В тот момент эти законы просто не работали.

Это понятие, «сингулярность», можно применить и к будущему, когда жизнь, какой мы ее знаем, изменится навсегда и работающие сейчас привычные правила перестанут существовать. Это произойдет, когда прогресс начнет развиваться так быстро, что люди перестанут замечать его движение, когда интеллект человеческих технологий превзойдет интеллект самого человека.

И тут я опять вспомнил фильмы о том, как роботы в будущем уничтожают человечество, но в этот раз я уже воспринял эту свою

мысль именно как скепсис, вызванный моим опытом. Я подумал, а ведь девушка права, человек не верит в то, чего раньше не было, и опирается только на привычные вещи в прошлом и настоящем, на вещи, которые уже проверены и одобрены. А то, что будет в будущем, это и есть вот эта самая сингулярность.

Не знаю, точно ли я с научной точки зрения понял этот термин, но это понятие мне понравилось еще и потому, что я провел аналогию со своими сегодняшними размышлениями о смысле жизни, ведь ключ к нахождению его, этого смысла, лежал, как я уже определил, там, где привычные законы человеческого существования и коммуникации перестают работать, то есть именно в этой сингулярности, там, во всеобщем сознании, о существовании которого люди могут только догадываться, возможно, чувствовать его, но никак не знать, так как знание, если и дальше проводить параллель, это как земные физические законы, а смысл жизни, лежащий во всеобщем сознании, это как Черная дыра, существующая по неизвестным, но абсолютно другим законам.

Конечно же, аналогия моих размышлений с услышанным из рассказа девушки была весьма условной и, возможно даже, притянутой за уши мной, человеком, который в своих размышлениях пока так и не пришел к конкретному ответу и сейчас пытается систематизировать свои выводы, нанизывая их на уже существующую в науке структуру. Но я, тем не менее, почувствовал неожиданный прилив радости от того, что все мои сегодняшние как-бы-философские размышления вдруг стали находить пусть и косвенные, но аналогии-подтверждения в речи человека от науки. По крайней мере, от рассказа девушки об искусственном интеллекте в будущем мне становилось спокойнее. Наверное, опять сказывался инстинктивный страх человека быть изгнанным из племени: ведь если ты находишь подтверждение своих мыслей в словах других людей, то можешь считать, что ты не сумасшедший и, возможно, даже прав.

Наверное, еще и поэтому я был готов проглотить все слова девушки: они не только были очень интересны, и я ждал, о чем она расскажет дальше, еще ее слова убеждали меня в своей собственной нормальности. Кроме того, мой интерес подогревался тем, что в любой момент девушка могла исчезнуть: мы уже подошли к остановке, и если свой трамвай я был готов пропустить, то не известно, готова ли была она сделать то же самое.

На остановке нас было только двое – никто не слышал наш разговор, – и мы могли и дальше обсуждать эту интересную тему, но я понимал, что трамваи сейчас ходят часто, а просить человека, даже

имени которого я не знал, уделить мне время, было не очень красиво. Поэтому я слушал ее, стараясь не перебивать и надеясь, что подъезжающий к остановке, похожий на батон, желто-красный рижский вагон не подойдет моей собеседнице.

А вот и он.

– девушка заметила качающийся в стороны трамвай и улыбнулась. Это ваш?

Так здесь же только один маршрут.

Я посмотрел на нарисованную на картоне «пятерку» за стеклом трамвая и понял, что еще как минимум остановка у нас есть. Мы поднялись по ступенькам, пробили талончики, сели на сдвоенное сиденье в конце еще пустого вагона, и девушка продолжила:

Так вот, если упростить и сократить, то возможности искусственного интеллекта, я буду называть его ИИ, это и есть та самая сингулярность, понять которую мы не можем. Если приводить примеры, то можно упомянуть обезьян: они понимают, что есть мы, люди, и что есть, например, этот трамвай, который движется и перевозит нас. Но понять, что этот трамвай создали люди, обезьяны никогда не смогут. Не говоря уже о том, как именно люди его сделали. Это просто лежит вне понимания их устройства мира.

То есть получается, что мы и есть обезьяны, а, как вы говорите, ИИ – это человек? Ну если очень упростить.

Это пример не того порядка, но определенную аналогию провести можно. Или, например, то, что является совсем обыденным для нас сейчас, вот, скажем...

Девушка указала на табличку, информирующую о бесплатном Wi-Fi в трамвае.

Еще лет сорок назад возможность моментально передавать изображения, звук на расстоянии без проводов человек воспринял бы как какое-то чудо.

Сингулярность...

– вставил я в разговор новое для меня слово, как мне показалось, очень уместно.

Девушка улыбнулась и продолжила:

И то, что может ИИ, который превышает человеческий интеллект всего в несколько раз, тоже будет казаться нам чудом. Ведь сложных проблем не существует, есть только проблемы, которые сложны для определенного уровня интеллекта. Если перейти в этом плане на одну ступеньку выше, например от обезьяны к человеку, то некоторые проблемы, скажем понять, как сделать трамвай, из разряда

«невозможных» перейдут в стан «очевидных». А если шагнуть еще на одну ступеньку выше – от человека к ИИ, то все проблемы могут стать очевидными. Например, получение энергии из неизвестных человечеству источников.

Или нанотехнологии, сфера, в которой люди пока не достигли ничего существенного, но хотя бы пришли к некоему пониманию: уже сейчас мы осознаем, как это работает и какой потенциал имеет. Грубо говоря, нанотехнологии – это размещение молекул и атомов в нужной нам последовательности, то есть конструктор, позволяющий создавать все из всего. Например, алмаз из...

– девушка постучала по обтянутой коричневым дерматином спинке сиденья:

... пластика. Еду из воздуха.

Вино из воды.

– продолжил ряд я.

Да, мы уже понимаем, как устроено чудо, но еще не до конца понимаем, как это чудо сделать. А для ИИ, который стоит на несколько ступеней выше, это и многое другое может быть просто очевидным.

Мне вспомнилась недавно прочитанная научная статья:

Я где-то читал, поправьте меня, пожалуйста, если я скажу ерунду, что биология, как наука, не подтверждает неизбежности смерти. То есть старение не зависит от времени, а связано с тем, что физические материалы тела изнашиваются. Но если менять детали автомобиля по мере их изнашивания, то он будет работать вечно. И с человеческим телом та же история, только сложнее.

Я посмотрел на собеседницу – меня интересовало, как она отреагирует на мои слова, – я хотел понять, правильно ли я трактовал суть статьи. Реакция девушки меня успокоила – она кивнула и продолжила мою мысль:

Да, дело в том, что у эволюции нет никаких причин продлевать человеческую жизнь дольше, чем она длится сейчас. Мы живем достаточно долго, чтобы родить и воспитать детей, то есть обеспечить им безопасность до того момента, когда они смогут постоять за себя и сами родить и воспитать детей. Для выживания вида этого достаточно.

Тема смысла жизни снова всплыла у меня в голове, а девушка продолжала:

С эволюционной точки зрения тридцати – сорока лет человеческой жизни вполне достаточно для обеспечения выживания вида, и нет никаких причин для мутаций, продлевающих жизнь дольше и снижающих ценность естественного отбора. Но ведь человеческое тело

– это, по сути, набор атомов. И биологически девяностолетний и двадцатилетний человек отличаются лишь горсткой физических моментов, которые исправить при наличии нужных технологий не составит никакого труда.

То есть бессмертие?

– я сказал то слово, которого явно избегала собеседница, и она улыбнулась и пожала плечами:

Если вы любите свою машину и хотите, чтобы она работала дальше, то почему бы не поменять деталь?

Трамвай остановился и открыл двери: внутрь никто не зашел, но, что было гораздо важнее для меня, никто и не вышел – девушка продолжила:

Причем мы сейчас говорим о нанотехнологиях и тех вещах, принцип работы которых полностью понимаем. Например, сын моей подруги, которую я подменяла сегодня, раз в неделю посещает кружок. Несколько дней назад дети там по схеме собрали приборы, позволяющие управлять дронами силой мысли.

И все эти вещи, о которых я вам говорю, это еще далеко не сингулярность.

Девушка замолчала, некоторое время молчал и я, только какие-то невидимые детали трамвая периодически стучали и поскрипывали, и я сказал, улыбнувшись:

Вы знаете, наверное, я все-таки правильно понял значение этого слова.

Девушка улыбнулась в ответ, а я попытался расшифровать свою шутку, в первую очередь для себя:

Получается, мы не можем дать ответ на вопрос: «Что же будет там, в этой сингулярности?», но когда она наступит, мы хотя бы знаем?

Девушка перестала улыбаться:

Вы помните, я говорила про соглашение? Я не могу называть никаких цифр.

Да-да, конечно, извините.

Ничего страшного.

Она снова улыбнулась, и трамвай как-то совсем неожиданно для меня остановился и открыл двери.

Это моя. До свидания, и спасибо за интересный разговор.

Еще не до конца понимая, что мы приехали на нужную девушке остановку, я сказал что-то типа «это вам спасибо...», но она уже спустилась по ступенькам и быстро исчезла из вида. Двери закрылись, и

трамвай поехал дальше. Я осмотрелся и, наконец, понял, в каком районе сейчас нахожусь – до Алесиной остановки оставалось еще минут десять.

Все эти вещи, о которых рассказала переводчица, не стали для меня революционными открытиями: я и раньше все это читал, думал об этом. Но разговор с ней собрал вместе детали конструктора, которые, как казалось мне раньше, не подходят друг к другу.

Меня удивила реальность и близость всего этого. Ведь, действительно, многие вещи, которые сейчас для нас стали повседневностью, для людей, живших сто лет назад, а то и меньше, были бы самым настоящим чудом, так как они их не понимали. И вот сейчас я чувствую, но не понимаю связь между людьми, которая происходит по неизвестным пока каналам связи, или то, что можно назвать всеобщим сознанием.

Может быть, этот самый ИИ как раз и поможет человеку быть частью всеобщего сознания? Синхронизироваться с коллективным бессознательным, только сделать это уже осознанно? И тогда мое знание станет знанием всех, а знание всех станет моим, и понятие «мое знание» автоматически станет равным понятию «знание всех». «Я» станет равно «все», и у «меня» не будет вопросов, так как «я» буду обладать ответами «всех».

А когда знание общее, когда «я» равно «все» и равно «всё», когда «я» равно «знание», тогда все вопросы исчезают. В том числе и вопрос смысла.

Точка номер семь.

Но что сейчас? Сейчас я в этом первом вечере лета, в этом пустом трамвае не являюсь знанием и не имею ответа на вопрос о смысле. И сегодня я весь день прожил так, как хотел. А сейчас просто немного устал...

Трамвай открыл двери на остановке около Алесиного дома, я перешел дорогу, наполовину заставленную припаркованными машинами, зашел в подъезд, пешком поднялся на третий этаж и увидел, что дверь в Алесину квартиру открыта, а сама она уже ждет меня, опершись на косяк. Я посмотрел на нее и спросил:

Давай завтра поедем на море?

Алеся улыбнулась и кивнула.

Виталий Королев
korolev.vit@gmail.com
+375293760713
<http://dramacenter.org/library/korolev-vitalij/>